

Александр Архипов

НЕ СКУЧНАЯ
ЖИЗНЬ
МАЙОРА ЧАПАЕВА

Александр Архипов

Нескучная жизнь майора Чапаева

«Логос»

2021

УДК 82-312.4
ББК 84(2)6

Архипов А. В.

Нескучная жизнь майора Чапаева / А. В. Архипов — «Логос»,
2021

ISBN 978-5-907258-95-2

В одном из московских отделов внутренних дел «тащит» службу майор с неприметной фамилией Чапаев. Нет! Не Василий Иванович. Зовут его Андрюхой. За плечами – командировка в горячую точку, на плечах – майорские погоны, а на груди – заслуженный боевой орден, который надевал десять раз за десять лет. У себя в ОВД майор А. В. Чапаев руководит отделом оперативного розыска. Ловит со своими «чапаевцами» бандосов и воров по горячим следам, «препарирует» сексуальных извращенцев. В общем, живет будничной жизнью одинокого опера с погонями, засадами, мордобоем и вечно пустым холодильником. Но однажды в жизни майора Чапаева случается событие гораздо более экстремальное, чем все раскрытые дела ранее, – в его жизни появляются Ксюша и ее маленькая дочь Женька. Только вот как совместить свою полную опасностей и экстрима службу с жизнью личной, Чапаев уже забыл. «Нескучная жизнь майора Чапаева (полицейская мелодрама)» – книга о том, как один человек может поменять жизнь другого, наполнив ее любовью, спокойствием и уютом, которых так не хватает в полицейских буднях. И о том, как сложно и страшно бывает отдаться чувствам даже такому сильному и умному, как майор Чапаев. Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82-312.4
ББК 84(2)6

ISBN 978-5-907258-95-2

© Архипов А. В., 2021

© Логос, 2021

Содержание

Женька, Ксюша и Андрюша	7
Мой личный состав	18
Каталы катаются на такси	25
Хрустящий борщ	33
Закидоны следователя Корнева	38
Половая неприкосновенность	43
Скатертью дорога	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Архипов
Нескучная жизнь майора
Чапаева (*полицейская мелодрама*)

© Архипов А. В., 2021

© Издательство «Логос», 2021

Женька, Ксюша и Андрюша

Вот почти и подошёл к своему логическому завершению этот короткий день моего случайного выходного. Пусть это звучит банально, но, как он начался, так он и заканчивается, – с нудного ора моего голодного кота. Да и выходной был... так себе. Отсыпался после бешеных «суток».

Приснился эротический сон. Будто в наш «обезьянник» завезли проститутку. За решёткой установили шест и приказали им по очереди на нём извиваться. Мол, кто победит, того и выпустят. А на месте дежурного по ОВД сидит подполковник Зинченко и в бинокль за ними наблюдает. И после выступления каждой оценки поднимает, как в фигурном катании. Бред.

Проснулся от предсмертного воя голодного кота. Достал из холодильника два бутерброда. С дырявым сыром бросил коту, а второй, с какой-то скрюченной колбасой, съел сам. Почитал заголовки попавшегося под руки журнала, включил телик, а там та же ерунда, но в лицах. Походил туда-сюда по квартире, сонно почёсываясь, прогнал с кровати обнаглевшего кота и опять лёг. Два раза настойчиво «истерил» под подушкой телефон. Ага, щаз... Предупреждал же идиотов: не вздумайте, буду отсыпаться. Ну, конечно! Поспишь тут с ними. И этот ещё. Боцман как-то бесшумно запрыгнул на кровать, улёгся у меня на груди и, щуря свои наглые зелёные глаза, «включил» на полную громкость своё вибратор. Рыже-полосатое создание, блаженно щурясь, неотрывно наблюдало за моим острым «ощетинившимся» кадыком, мягко массируя передними лапами расслабленную тушку своего хозяина где-то в районе третьего-четвёртого ребра.

– Ты чего, собака? Жрать опять хочешь? – спросил я у домашнего животного, несильно щёлкнув его по уху.

Кот обрадованно воткнул в мою сонную плоть четыре пары острых когтей, увернувшись от оплеухи, спрыгнул на пол и побежал к своей пустой со вчерашнего дня миске. Надо вставать. Мы в ответе за тех, кого... морим голодом.

– Омлет будешь? – на всякий случай спросил я у орущего басом Боцмана, накручивающего «восьмёрки» вокруг моих босых ног. – Тебе с сыром или колбаской?

Кот на мгновение замер, будто на самом деле выбирал.

– А вот и не угадал, собака рыжая, нет ни сыра, ни колбаски, – злорадно улыбнулся, почесав свою задницу, добрый хозяин.

Разделив пятнадцатичный омлет на две равные части, поев и окончательно проснувшись, я понял, что выходной нужно закончить чем-то активным. Взгляд упал на синюю коробку, лежащую второй месяц на тумбочке в прихожей. Через всю коробку шли три параллельные белые полосы, а на боковой поверхности красивым шрифтом было начертано легендарное слово – ADIDAS. Это были новые кроссовки, подаренные мне моим (оказывается, нежадным и где-то даже чутким) коллективом на юбилей. Ну как юбилей? Просто Вася Крепченко сказал, поднимая рюмку: «... На нашей вредной работе каждый день рождения отмечать нужно, как юбилей!» Не отрывая взгляда от коробки, спотыкаясь об сытого благодарного Боцмана, я открыл крышку. Это были они! Пара белых кроссовок с тремя чёрными полосками по бокам, с золотистой надписью на заднике – Adidas, сорок четвёртого размера. Невольно поднёс их к лицу и зачем-то понюхал стельки. Пахло капитализмом, немцами и каким-то драйвом. Надел. Шнурки как-то сами завязались красивыми петельками. Нет, ну, как влитые! Захотелось куда-то бежать, кого-то обгонять и вообще бить какие-нибудь рекорды!

Бежать! Точно! Благо рядом с моим домом и парк, и длинная набережная. Спортивный костюм нашёлся сразу. Как лежал в стиральной машинке, так и лежит. На прошлой неделе всем отделом сдавали нормы по физподготовке. Не сдали двое. Старший прапорщик Тимофеев – по причине лишнего веса, превышающего допустимую нагрузку на турник. И лейтенант Светочка

из разрешительного отдела – по причине пятого месяца незапланированной беременности. От костюмчика пахло, но это даже вселяло уверенность и напоминало о спортивном прошлом хозяина. Кандидат в мастера по боксу как-никак. А то, что штанишки излишне натянулись на мужественных ягодицах и молния на куртке застегнулась на мощном прессе только при выдохе, так это физическая статья натренированного мужчинского тела.

Бежалось легко. Просто удивительно легко бежалось. Новенькие кроссовочки ровненько и уверенно топали по неширокой парковой дорожке, рекламируя здоровый образ жизни. Народу было немного. А укрепляющих здоровье – вообще единицы. Кое-где на лавочках кучковалась молодёжь, позвякивая пустой стеклотарой и хрустя пивными банками. Да между стволами деревьев и за чахлыми кустами сирени сновали собачники – по-деловому, вместе со своими питомцами, оставляя мокрые эсэмэски на стволах зелёных насаждений парка. Неожиданно сзади послышалось шумное ровное сопение.

– Лыжню! – послышался настойчивый голос, и тут же на выдохе: – Шевели маслами, сынок!

Я инстинктивно принял вправо и обернулся. Меня обгонял среднего роста, сухого телосложения дедок. На вид ему было лет шестьдесят или около того. Одет бегун был в старый вылинявший светло-синий спортивный костюм с белыми полосками на воротнике и манжетах и надписью на груди: СССР. Ветеран вечерних пробежек легко обогнал меня и, уверенно шлёпая китайскими кедами по дорожке, свернул вправо. «Шустрый дедок, – подумал я, прибавив ходу, – жаль, что свернул... я бы сейчас показал кто тут.

Неожиданно с бокового ответвления на центральную аллею выбежало что-то совершенно неземное. Газель... лань... самка очень благородного оленя... антило... Да всё не то! Ярко красный костюм фанатично и преданно облегал её идеальных форм фигуру. Пропущенный через вырез белой бейсболки хвост выющихся чёрных волос красиво раскачивался в такт синхронных движений её симметричных ягодиц. Я не видел её лица, мне не было видно, что там у спортсменки впереди, но, поверьте, это было не важно. Меня вполне устраивал вид сзади. О, там было за чем бежать! И я бежал. Бежал, задыхаясь, покашливая, сморкаясь, сопя, обливаясь потом и спотыкаясь о ровную поверхность нового асфальтового покрытия. Я, конечно, понимал, что так быстро и долго всё это продолжаться не может. Мой физический потенциал, теряя сознание, как бы шептал мне:

– Андрюха! Куда ты? Зачем, идиот? Вот прямо сейчас ты сдохнешь! Вот прямо сейчас... ещё пару шагов и... Пульса нет.

Но вдруг объект моего преследования... цель моего вечернего забега... маяк моей спортивной карьеры обернулся. Не переставая двигаться вперёд, но теперь уже задом, газель побежала ко мне лицом, с интересом рассматривая мою прокачанную, подтянутую, спортивную (я и сейчас так думаю) фигуру. Потом она внезапно остановилась, вытащила из ушей маленькие, пищащие не по-нашему наушники и, ехидно прищурив глаза, задала вопрос:

– Ты, что, дяденька, кадришь меня?

Невольно посмотрев по сторонам, я вдруг понял, что «дяденька» – это я. Мужчина с «прокачанной подтянутой спортивной фигурой», исполняя бег на месте, тихо промямлил:

– Ну, почему сразу...

– Бабок не хватит... спортсмЭн! – именно так, с акцентом на последнюю гласную, произнесла она это слово. Стало обидно... за лёгкую атлетику.

– Лыжню! – грубо крикнул я и, громко высморкавшись, технично обошёл это красное пятно на сером асфальте.

Перебежав на боковую дорожку, я увидел, что «красное пятно» свернуло в сторону. Туда, где резвилась пара породистых кобелей со своими невзрачными хозяевами. А через несколько секунд раздался резкий визг и что-то там «про мать». Видно, у собачек разыгрался

охотничий инстинкт при виде бьющей копытами «красной антилопы», и они азартно взяли след. Спасать парнокопытных сегодня в планы мои не входило. Выходной всё-таки! Замедлил бег возле одной семейной компании, дружно сплотившейся вокруг дымящегося мангала. Протяжно потянув ноздрями окружающую среду, пропахшую слегка подгоревшим лучком и шкворчащей на углях бараниной, я понял: пора возвращаться. Причём, возвращаться через ближайший продуктовый маркет. Икроножные мышцы приятно ныли, под коленками что-то поскрипывало, а повлажневшие носки плотно воссоединились со стельками новых кроссовок. Цель была достигнута. Вкусил, как говорится, драйва по самое не хочу. Сунул руку в карман куртки. Кошелёк с остатками наличных и банковской картой был на месте. Как, надеюсь, были на месте и мой пустой домашний холодильник, и вечно голодный иждивенец Боцман.

Заметно темнело. Откуда-то с северо-западного направления потащило тучки. Пара беспризорных капель звонко шлёпнулась на козырёк моей выдавшей виды бейсболки. Грамотно проведя ориентацию на местности, я уже через десять минут выходил... простите, технично выбегал из парка на тротуар улицы под логичным названием Парковая. Чтобы мысли в голове не прыгали, я перешёл на спокойный шаг и мысленно сосредоточился на перечне продуктов, отсутствующих в моём холодильнике. Для начала нужно было вспомнить, что в нём всё-таки было. Ну, это я быстро. Начатая банка кошачьего корма, два яйца, пучок почти зелёного лука, пожилой лимон и ровно четыреста граммов водки (сто граммов выпито вчера перед сном, как снотворное). Ещё морозилка... тут всё просто. Морозилка добросовестно производила лёд!

Редкие в воскресный вечер в этом районе машины, включив габариты, неспешно катили в сторону огромной стоянки супермаркета по дороге с односторонним движением. Над головой что-то щёлкнуло, и прямо передо мной на асфальте появился гигантский «пятаяк» молочного цвета. Это сработали датчики света на уличных фонарях. И тут же сотни цветных лампочек суежливо заморгали и забегали, подсвечивая огромные буквы на крыше стеклобетонного сарая. «Пятёрочка»! Неожиданно моё внимание привлекло ярко жёлтое пятно, как-то рывками передвигающееся по проезжей части. «Пятно», подпрыгивая, двигалось прямо посередине дороги, стараясь допрыгнуть до каждой полустёртой чёрточки разметки на асфальте. «Пятно» было небольшое. Где-то меньше метра в высоту. Одето оно было в плащ-дождевик жутко канаречного цвета. На голове по самые уши сидела бейсболка ядовито-купоросного оттенка, а на голых ногах болтались резиновые полусапожки, явно на пару размеров больше нужного. «На вырост или с чужой ноги», – определил я. Было понятно, что маломерный пешеход к изменению погоды готов, но было абсолютно непонятно, почему он (она) один и почему, собственно, по проезжей части? Причём ровненько так по разделительной полосе, принципиально наступая на каждую белую чёрточку.

Интуитивно я посмотрел назад. По дороге, шепча двигателем, медленно ехал белый «мерседес». За рулём сидела девушка с торчащей из полуоткрытого окна разноцветной шевелюрой. Правой рукой она держалась за руль, а левой прижимала к уху телефон и что-то в него лопотала своими 3D-губёшками. Причём смотрела она в это время в противоположную от дороги сторону, выбирая место для парковки. Спасибо Богу, бывшему тренеру по боксу Анатолию Петровичу, маме с папой за генетику и просто удаче за природную и развитую спортивную реакцию. Я прыгнул на дорогу, скатился по капоту припаркованной у тротуара машины, подхватил под мышку правой руки ребёнка и в два прыжка оказался на противоположном тротуаре. Левое боковое зеркало проезжающего «Мерседеса», как совковой лопатой, больно шлёпнуло меня по заднице.

– Куда прёшь, козлина?! – зло спросила меня разноцветная голова из окна уезжающей машины, показывая в мою сторону оттопыренный палец с жутко чёрным ногтем.

– Вот дура, – чуть слышно произнёс я, рассматривая то, что удалось вытащить из-под колёс гордости немецкого автопрома.

– Дура!!! – радостным голосом громко крикнуло жёлтое, почти метровое существо в моих руках, показывая в сторону уезжающего «мерина» сразу два оттопыренных средних пальца с обгрызенными ногтями, болтая тоненькими ножками в резиновых сапогах.

– Жень! Женька-а-а! – услышал я тревожный женский голос со стороны тротуара напротив.

– Мама моя! Лучшепусти, а то хуже будет! – выдохнул ребёнок, часто-часто заморгав ресничками и сморщив носик, явно собираясь устроить истерику.

Мы увидели её одновременно. Это была среднего роста молодая женщина, внешне похожая на взрослого подростка. Ну, а как ещё её назвать? Искусно изодранные джинсы, с торчащими из них загорелыми коленками. Сдвинутая набок ярко-красная кепка. Вьющиеся, как у пуделя, белокурые волосы. Огромные голубые глаза (где-то я их уже видел). А в руках длинная ручка пузатого розового чемодана на колёсиках.

– Женька, брыкайся! А ну-ка, немедленно отпустите моего ребёнка! Стоять! Я тебя сфотографировала. Педофил! Пидо. Женька, укуси дядьку! – орала эта сумасшедшая, цокая каблуками по тротуару и пытаясь перейти на нашу сторону.

Увидев, как послушный ребёнок открыл рот, целясь мне в плечо, я невольно пробубнил:

– Не надо дядю. – И поставил Женьку на капот припаркованной синей «Нивы».

Наконец крикливой мамаше удалось вклинуться в поток медленно продвигающейся очереди машин на парковку. Умудряясь двигаться замысловатыми зигзагами, она переволокла застревающий в выбоины дороги своими колёсиками гигантский чемодан на нашу с Женькой сторону.

– Верните мне моего ребёнка! Маньяк! Кто-нибудь держите его. Я ему сейчас глаза. Звоню в полицию. – нервно суетилась мама-подросток, хлопая себя по задним карманам джинсов в поисках телефона.

– Слышь, коза! – раздался из окна припаркованного грузового микроавтобуса хриплый, но явно женский голос. – Если бы не этот спортсмен, ты бы сейчас с мигалками в «склиф» ехала. Причём не спеша! Я сама видела, как этот мужик из-под колёс «мерина» вот этого самого жёлтого цыплёнка вытащил. Чуть сам не попал... Моя б воля, я бы вам обеим задницы-то надрала! Падай в ноги мужику, зараза такая! – крикнула, разворачивая свой грузовичок водительша и, подмигнув мне ярко накрашенным глазом, коротко просигналила, мол, не теряйся.

Бросив-таки своего розового монстра, мамаша подлетела к синей «Ниве», обняла свою дочку и нервно затараторила:

– Дурочка, я же тебе сказала: стой тут, мне с таксистом надо... оборачиваюсь, а тебя... чуть с ума не сошла!

– Сама ты дурочка! Это я тебе говорила... а ты – «Молчи, молчи!» А потом – «Ой, мы кошелёк потеряли, там были все наши деньги...» – пытаюсь имитировать голос своей мамашы, «метровый» ребёнок восстанавливал текущий ход событий.

Меня сразу поразило, что этот маленький человечек так ясно выражает свои далеко не детские мысли, при этом чётко выговаривая все буквы русского алфавита. Попытался вспомнить себя в её годы, и стало как-то обидно за детство. Шепелявый, стриженный под полубокс пацан в девчачьих колготках. Я понимал, что вот прямо сию минуту здесь налаживаются семейные отношения. А я вроде как. Собственно, мне в «Пятёрочку». Хлеб, масло там, колбаска (возможно, «Любительская»). На сделанные мной три шага назад никто внимания не обратил, поэтому, помахав в их сторону бейсболкой, я развернулся и, лавируя между паркующимися машинами, пошёл в сторону супермаркета. Настроение было хорошее. Ну ещё бы! Такая позитивная концовочка под занавес выходного.

– Мужчина! Молодой человек! Да подождите же вы! – услышал я сзади.

– Он на тебя обиделся! Зачем ты на него кричала? – пискнула на мамашу Женька, и я понял, что речь идёт обо мне.

– Да? А ты его вообще укусить хотела! – вдруг засмеялась мама-подросток.

– Ага! А как бы я его укусила? Смотри! У меня передний зуб шатается, – серьёзно возразил ребёнок.

Я обернулся. Женька, по-прежнему стоя на капоте «Нивы», тянула в мою сторону руки. А её мама, подпрыгивая на каблуках, махала мне красной кепкой и делала приветливым лицо. Я посмотрел на часы и понял, что до закрытия супермаркета ещё далеко и за это время можно успеть сделать парочку добрых дел. Например, дотащить вон тот розовый чемоданчик до автобусной остановки или поймать девушкам такси. Ну а для чего я ещё был нужен этим двум кудрявым интриганкам? Размышляя таким образом, я осторожно приближался к странной парочке.

– Вы извините меня, пожалуйста. Неловко как-то получилась. Я разнервничалась... только вышли из такси, а эта куда-то делась, – начала зачем-то оправдываться девушка.

– Следить за детьми надо, мамаша, а не таксистам глазки строить, – строго перебила маму Женька, протягивая ко мне свои ручки. – Сними меня, пожалуйста.

Я снял Женьку с капота, но опускаться на асфальт мы не захотели. Как-то жалобно вздохнув, она обхватила меня за шею, поджала ноги в коленях и доверчиво прижалась своей щёчкой к моему плечу. «Интересный приёмчик», – подумал я. Где-то совсем рядом гроыхнуло.

– Сейчас дождь пойдёт, – как-то беспомощно объявила Женькина мама, глядя на тёмную тучу над нашими головами.

– Чего стоим? Бежать надо! – крикнул ребёнок, боднув меня в нос козырьком своей бейсболки.

Ближайшим надёжным укрытием был навес летней веранды кафе-бара под интригующим названием «Почему нет?» А действительно! На меня внезапно навалилось чувство ответственности за этих незащитных одиноких дам. Навалилось вместе с розовым чемоданом в синий цветочек. Зацепив длинную ручку багажа свободной рукой, я молча кивнул в сторону кафе. И мы, цокая высокими каблуками и погрохатывая пластмассовыми колёсами багажа по выбоинам свежееуложенного асфальта, двинулись на свет неоновых огней убежища. Под навес успели забежать с первыми каплями дождя. Официант, собиравший скатерти и приборы со столов летней веранды, по-житейски посоветовал:

– Вы в зал заходите, пока свободные столики есть. Дождик быстро не закончится, а у вас ребёнок.

Наконец услышав о себе что-то позитивное, Женька дёрнула ногами и заявила:

– Действительно. В зал пошли, там музыка, а тут прохладно. Хотите, чтобы ребёнок простудился?

Этого, конечно, никто не хотел, и мы вчетвером вошли в помещение бара. Кто четвёртый? Да чемодан, чёрт бы его... Женька соскользнула на пол и резво побежала занимать столик у окна.

– Послушайте, мне так неудобно... мы и так причинили вам кучу хлопот, а тут ещё. – начала было извиняться девушка, как бы незаметно показывая своей дочке кулачок за чрезмерную активность.

– Да ладно, чего уж. Не бросать же вас? Сейчас чайку попьем, а там и дождь закончится, – стараясь не смотреть молодой мамаше в глаза, как-то невпопад тараторил я. – Женька, ты что хочешь? – пытаюсь разобраться в меню, спросил я у мелкой.

– Писять я хочу, вот чего! – вдруг громко крикнула Женька, отчего молоденькая официантка чуть не вывалила на соседний стол с посетителями целый поднос с пирожными.

– Пошли, – встала из-за стола её мама, протягивая дочке руку.

– Нетушки! Я с ним пойду. Он-то меня точно не потеряет, – взяв меня за руку, серьёзно ответила Женька.

«Ребёнок играет в семью», – почему-то подумал я и, сняв с неё жёлтый плащик и бейсболку, успокоил мамашу:

– Не волнуйтесь, мы быстро. Вы пока закажите, что хотите.

Родительница что-то хотела сказать, но как-то растерянно улыбнулась и махнула рукой. Ребёнок схватил меня за два пальца и, весело бухая по ламинату резиновыми сапожками, потянул в сторону туалета. Разобравшись по картинкам на дверях, кому в какую дверь, мы разошлись по разным помещениям.

– Ты как? – с намёком спросил я у Женьки.

– Я всё умею... не маленькая, – досадливо махнув в мою сторону, ответила девчушка.

– Руки не забудь... не маленькая, – крикнул я вслед исчезающей за дверью женского туалета клетчатой мини-юбочке.

– Отстань. – чуть слышно ответило эхо в кафельном кубе.

По возвращении нас ждал сюрприз. «Сюрприз» еле вмещался на поверхности нашего столика. Бутылка грузинского красного вина, стакан свежавыжатого апельсинового сока, большая тарелка сырной нарезки, две розетки с грибным жульеном, ваза с фруктами и тарелка бутербродов с красной икоркой и сёмгой. Видно, прочитав на моём лице удивление, мама Женьки попыталась успокоить меня:

– Вы не беспокойтесь. Горячее и кофе с «наполеончиком» принесут чуть позже. А пока я вам бифштекс с кровью заказала. Вы не против?

– Да я, собственно... – неуверенно пробурчал я, решительно застёгивая молнию на кармане брюк, где лежал мой кошелёк.

Девушка взяла бокал с уже налитым вином и, улыбнувшись, предложила:

– Честно говоря, не думала, что сегодняшний день так закончится. Нам с Женькой последнее время не везёт на новые знакомства.

– Одни козлы попадаются, – согласно кивнула девчушка, пытаясь вилкой наколоть красную икринку на бутерброде.

– Не перебивай маму. А тут... новый город и сразу. Меня Ксенией зовут.

– А меня Женькой, – напомнил о себе ребёнок, шумно булькнув в стакане с соком.

– Андрей Вас. Андрей, в общем. Очень приятно, – чуть привстал я и коснулся своим бокалом бокала Ксении и стакана с соком Женьки.

Мягкий свет хорошо продуманного освещения зала кафе-бара, тихая и приятная музыка, лёгкая расслабляющая усталость от неожиданной вечерней пробежки, шум дождя за окном и несколько глотков замечательного вина сделали своё дело. Я перестал наконец комплексовать и стал открыто рассматривать своих новых знакомых. Тем более что это им не мешало. Девочки ели. Ели жадно, быстро, всё подряд и не стеснясь. По всему было видно, что сегодня это их первая добыча. Через пять минут, пока я миндальничал с грибным жульеном, на столе опустели тарелки с закуской, и Ксения начала подавать зашифрованные семафорные знаки официанту по поводу заказанных горячих блюд.

Ксении на вид было слегка за двадцать. Рост средний. Блондинка. Вроде натуральная. Красивое чистое личико, обрамлённое мелко закрученными кудряшками каракуля альбиноса. Выразительные, умело нарисованные, удивительной голубизны глаза. Неяркие, красивой формы губы, очаровательная улыбка. Идеального прикуса и цвета зубки, как из рекламного буклета зубной пасты «Colgate». Голос приятный, не писклявый, речь с хорошей дикцией. Премиальная во всех отношениях фигура. Надо будет повнимательней рассмотреть её спину. Где ангелы её породы прячут свои крылья? Перед такими, как она, мужчины открывают двери «бентли». Встретив, оборачиваются на улице, не стесняясь жён. На таких тратят большие деньги, находясь под гипнозом их достоинств. О таких мечтают, как о любовницах. Но почему-то не берут в жёны (мне так казалось).

Всё ясно: школьная любовь, ранний ребёнок, непонимание родителей, осуждение педагогического коллектива. Сплетни, бытовые проблемы, неидеальные знакомства, отсутствие постоянной работы... может быть, даже связь с криминалом. О! Куда меня понесло. Ну, что делать? Отпечаток. Отпечаток профессии, я говорю. Моей профессии.

Вторая. Мелкая. Безусловно, дочь. Рождена вне брака. Наверняка отца в глаза не видела. Развитый не по годам ребёнок. Сколько ей? Пять, шесть, семь... старше? Миникопия мамы. Но по повадкам видно: вырастет – будет круче! Весь вечер глаз с меня не сводит. На кого-то похож? Станный ребёнок. Мне б такую. Мне б такую? Это что же получается... старшая практически мне в дочки годится, а младшая во внучки? Бред!

– Я так понял, что вы не местные? Откуда и куда, если не секрет? – поинтересовался я из вежливости. Должен же я знать, за чей ужин сегодня плачу.

– А тебя точно Андреем зовут? – как бы невзначай спросила Женька, позёвывая в ладошку.

– Жень, ты наелась? Посиди спокойно, – попыталась отвлечь дочь от моей персоны Ксения. – Да, мы впервые в Москве. Вернее, я была здесь, ещё когда в школе... Мы из Ярославля приехали. У меня здесь подруга удачно замуж... а потом развелась. Короче, у неё фитнес-клуб, а я тренер. Вот приехала к ней на работу проситься.

«Понятно, – подумал я, потягивая «Кахетинское» сухое, – а я голову ломаю, откуда у тебя такое всё правильно подогнанное... сижу, как дурак, живот поджимаю».

– Художественной гимнастикой, наверное, занимались? – поинтересовался я у Ксении.

– Нет, – немного смутилась молодая мама, – я тхэквондо серьёзно занималась. У меня первый кып – это коричневый пояс. А потом ключицу на соревновании сломала, мама истерику устроила. Ключица срослась, а тут вдруг эта откуда не возьмись, – как-то грустно улыбнулась Ксения, посмотрев на задремавшую в кресле Женьку.

– А сейчас куда? К подруге? – попробовал догадаться я.

– Нет... не такая уж она мне подруга, чтобы так поздно к ней заваливаться. До утра перекантуемся где-нибудь. Этот же барчик до последнего клиента работает? Вот мы и будем последними, пока не выгонят. Да, Жека? Ой, а она уже спит, – тихонько засмеявшись, кивнула в сторону посапывающей дочки Ксюша, – тем более я с ними с двумя не справлюсь, – намекая на розовый чемодан, пошутила молодая мамаша.

– Так можно же в гостиницу. Тут совсем рядом есть. Хотите, провожу? – поглядывая на дрыгающую во сне резиновыми сапогами Женьку, предложил я.

– Ну, нет! Разве, что обратно на вокзал. Я, когда сюда ехали, всё на счётчик такси смотрела, боялась, что больше натикает, чем у нас с Женькой в кармане. Последние триста пятьдесят рэ таксисту отдаю, а он с меня, гад такой, триста шестьдесят требует. Пока я с ним цапалась, эта всё стояла ныла, что кушать хочет, а потом раз – и делась куда-то... А тут вы... спасибо, что рядом оказались, – с благодарностью произнесла Ксюша, положив свою руку на мою.

– Так, а как же вы дальше? – спросил я, чувствуя, как приятно немеет моя рука под её ладошкой.

– Ой, тоже мне проблема! Ещё и не из таких непоняток выбирались, – перейдя на шёпот, объясняла обладательница коричневого пояса по тхэквондо. – Мне подруга сразу аванс пообещала. Сначала в фитнес-центре поживём, а потом квартиру незадорого снимем.

– Вы собираетесь с ребёнком между тренажёров существовать? Ксюша, по-моему, вы не совсем понимаете. – в свою очередь начал путаться в планах своей собеседницы я.

– Зато прикольно. Андрей, у меня к вам просьба. Когда вам счёт принесут, вы им деньги не отдавайте. Ладно? Пусть они у меня будут. Вы уйдёте, а мы тут пока побудем и расплатимся уже, когда с ними истерика случится. Ну не будут же они выносить под дождь спящего ребёнка, – логично рассуждая, объяснила Ксения, укрывая дочку жёлтым плащиком.

Решение пришло само собой, тем более что дождь за огромным окном нашего временного убежища почти прекратился. В зале кафе оставались занятыми только два столика. Наш и столик в глубине зала, где очень близко друг к другу сидела влюблённая беспризорная парочка с двумя чашками чая. Им явно было негде. Иногда с их стороны доносились приглушённые постанывания партнёра и попискивание партнёрши. И тогда официант с хмурым лицом, проходя мимо них, «нечаянно» что-нибудь ронял и громко спрашивал у бармена, стряхивая салфетку с крошками в сторону влюблённых:

– Сань, когда закрываемся? Через пять? Я понял, тогда буду просить рассчитаться!

– У меня есть предложение, Ксения. Живу я здесь совсем рядом. Живу один. Квартира небольшая, но двухкомнатная. Горячую воду не отключали и фен на гвоздике висит. Через десять-пятнадцать минут мы сможем уже пить чай на моей кухне. Правда, холодильник пустой, но зато у меня кот есть. Живой. Ну, а завтра... завтра вы созвонитесь со своей подругой и поедете осваивать тренажёры в свой фитнес-центр. Как вам? Посмотрите, вон тот официант уже минут десять трёт соседний столик и тихо нас ненавидит. Лично мне его жалко, – предположил я, трусливо набрасывая на сумму счёта лишний полтинник.

– Андрей, вы и так... а как мы... просто я не хочу, чтобы вы думали... и за сегодняшний ужин я, конечно же, с первой зарплаты. – начала было в чём-то меня убеждать Ксюша-мама, забирая из вазы последние два яблока, – а из еды у нас есть кое-что. Две булочки вчерашние, сырок плавленый и сахар с паровозиками из поезда.

Я согласно кивнул и начал осторожно укутывать Женьку в чуть влажный плащ, стараясь не разбудить потяжелевшего после ужина ребёнка.

– Мальчик, а принеси нам три кусочка хлеба, – сделала последний заказ Кения.

* * *

Из кафе (с теперь уже историческим названием «Почему нет?») мы вышли под молчаливое одобрение коллектива заведения. Молодёжь за крайним столиком после третьей кружки чая переместилась в один из туалетов и на настойчивые призывы покинуть помещение только громко сопела.

Я нёс самое ценное, завёрнутое в ядовито-жёлтый плащ. «Ценность», положив свою головку мне на плечо, тихо посапывая в моё левое ухо, спала, в такт шагов покачивая резиновыми сапожками. Её молодая мама, цокая по мокрому асфальту копытцами на высоких каблуках, волокла свой розовый чемодан, стараясь не отставать от лидеров движения. Иногда попадались лужи. Перепрыгивать было нельзя, чтобы не дай Бог не разбудить «ценность». Приходилось форсировать вброд. Ксения тоже не перепрыгивала, но причина была другой. Чемодан. С ним не подпрыгнешь. Он, как броненосец, входил в очередную лужу, поднимая мутные волны и щедро брызгая на модно дранные джинсы Ксении, что вызывало у неё сонный гнев, а у меня тихий восторг.

– Андрей, у вас кроссовки красивые, – сказала Ксения, чтобы скоротать разговором путь.

– Вот мы и пришли, – поддержал я разговор, – код подъезда – 123, нажмите, пожалуйста.

Поднявшись в лифте на мой шестой этаж, я заметил, как Ксения, глядя на кнопки лифта, чуть слышно прошептала:

– Шестой...

«Запоминает...» – стало понятно мне. Чуть подпрыгнув и прислушавшись к внутренним ощущениям, я попросил шёпотом, прижимая к себе скользкий плащ Женьки:

– Если не ошибаюсь, ключи в правом боковом кармане брюк. Там молния. Достаньте, пожалуйста.

Ксюша кивнула головой, присела на корточки, осторожно отодвинула в сторону Женьки сапожки и расстегнула молнию на кармане спортивных брюк. В это время резко щёлкнул

замок соседской двери напротив... и на дверной коврик ступила объёмная нога в домашнем шлёпанце моей соседки Фиры Самойловны Петровой (по мужу). Мы замерли. Я с открытым ртом и спящей Женькой на руках. Ксения на корточках с рукой, торчащей у меня из правого кармана, чуть сползших вниз брюк. И окаменевшая от собственных фантазий Фира, с надкушенной котлетой на вилке.

– Твои? – разрядила обстановку коротким вопросом Петрова, первая вышедшая из кратковременной комы.

– Мои, – так же коротко ответил я, почувствовав, как тревожно шевельнулись пальчики Ксении у меня в кармане, и почему-то густо покраснел.

– Здравс-с-сьте, – тихо сказала Петрова, откусывая котлету с другой стороны, и захлопнула дверь.

Ксения наконец достала ключи от квартиры и открыла дверь. «Сто восемнадцать», – неслышно обозначила номер квартиры мимика её губ. Мы толпой вошли в прихожую. Опешив от неожиданного вторжения, нас встречал заспанный Боцман.

– Это кто? Ты кого приволок на ночь глядя, Андрюха? – спросил меня кот, недоверчиво изучая три лишних претендента на жилплощадь. – Хоть бы посоветовался, я не знаю...

Мне казалось, что именно такими словами нас бы встретило это животное, стоящее перед нами посреди прихожей, нервно подёргивая своим толстым хвостом. Боцман явно нервничал, зло прищуривая зелёные глаза и прижав к лобастой башке свои маленькие круглые уши.

– Вот мы и дома! – попробовал как можно приветливей сказать я, но не получилось. Интересно, откуда эта наглая хрипотца в голосе? Так что получилось, как у тюремного надзирателя, встречающего очередную партию заключённых.

– Ой, кошечка! Андрюша, поставь меня, – неожиданно для всех радостно закричала проснувшаяся Женька.

Боцман, поняв, что сейчас его будут любить против его же кошачьей воли, поджал хвост и, шипя, залез под диван.

Чемодан как-то самостоятельно проехал пару метров и, застряв колёсиками в домашних тапочках, остановился. Женька, сбросив сапожки, поползла на коленках в сторону дивана, а Ксения, пнув надоевший чемодан, нерешительно спросила:

– Я осмотрюсь... Можно?

И пошла почему-то сразу в спальню.

Это потом я понял, что женщина ищет улики присутствия другой женщины, а заодно проверяет на честность сказанные мной слова: «живу один».

– Кровать ваша, чистое бельё в комод. А я здесь на диване с Боцманом, только подушку нам одну отдайте, – скороговоркой объяснил я дислокацию спальных мест в своей квартире. – Вы располагайтесь пока, а я первый в душ. Смою с себя лёгкую атлетику!

Мылся я долго и тщательно, понимая, что после пробежки, мутных луж после дождя и холодного пота от переживаний при оплате счёта в кафе дух от меня, прямо скажем, исходил, как от коня-ветерана. К тому же нужно было дать время дамам осмотреться и устроиться. Выходя из ванной, я с удивлением увидел очередь. Прямо за дверью в коротеньком розовом шёлковом халатике, с висевшей Женькой на плече, нервно прохаживалась Ксения. Сурово посмотрев на меня, мол, товарищ, сколько можно ждать... я тут с ребёнком, а он... моя новая знакомая протиснулась в ванную и громко щёлкнула дверной щеколдой. Я с удивлением заметил, что кровать в спальне и мой диванчик уже были застелены чистым бельём, вещи аккуратно сложены, а стиральная машина что-то добросовестно молотила в своей утробе. Впрочем, на кухне чем-то хрустел, довольно урча, Боцман, а на кухонном столе булькал, закипая, электрочайник.

Женька окончательно уснула на переходе из ванной в спальню. Ксения налила в чашки чай и, улыбаясь, выдала мне порцию сахара в «железнодорожной» упаковке. В махровом бан-

ном халате было жарковато, но не сидеть же в трусах перед этим длинноногим ангелом в чалме из полотенца. Ну да! Нечаянно обратил внимание на её ноги... А что делать, если тонкий шёлковый халатик, как копирка, передавал все неровности, выпуклости, ложбинки и симметрию её тела? Ну и, конечно, я зажмурился, когда Ксения, потянувшись через стол, наливала в мою чашку чай. Ну, как зажмурился.

– Ой, Андрей, так ты мент? – спросила девушка, глядя мне за спину.

Я обернулся. За моей спиной на стене висело несколько фотографий. Я по форме у входа в Управление. Я с группой захвата и освобождённые заложники. Я с табельным «макаром» сдаю зачёты по стрельбе. Я в камуфляже у горного ручья с группой быстрого реагирования во время командировки в Чечню. Я с Чегеварой на броне «бетера» возвращаюсь с боевой операции.

– Как бы да. Служу в полиции, – ответил я, немного напрягшись.

– Капитан? – посчитала звёздочки на фото Ксения.

– Нет... два года уже как майор, – отхлебнув горячего чая, продолжал отвечать я, с интересом наблюдая за реакцией девушки.

– Ты не думай, у меня с ментами хорошие отношения. Ой, ничего, что я вдруг на «ты»? – улыбнувшись, спросила Ксюша и после моего одобрительного кивка продолжила: – Ну вот, мне в группу как-то девчонок-ППСниц прислали. Я им элементы самозащиты давала. Ну, там – освобождение от захватов, обездвиживание противника. У меня даже грамота от нашего ОВД есть. Показать?

– Не нужно, верю, – улыбнулся я, удовлетворённый лояльностью к моей профессии.

– А я смотрю, ты и на войне был, – кивнула на «чеченские» фото Ксения. – Страшно было?

– Пришлось. В командировку посылали во время второй чеченской компании. А без страха на войне нельзя. На войне нужно бояться. Ты вот что Ксюша... – начал было я говорить прощальные слова на ночь.

– Ой, я сейчас... я быстренько посуду. – вскочив, засуетилась барышня из Ярославля.

– А вот это давай завтра, мне вставать рано, и ты с дороги. Дверь в спальню закрывай, я сегодня храпеть точно буду, – гарантировал я весёлую ночь своей нечаянной квартирантке.

Заснул практически сразу. Перед тем, как погрузиться с головой в сладкие волны сна, я побродил в нём по колено. Безошибочно работала профессиональная зрительная память. Но почему-то работала она как-то избирательно. Несколько раз прокрутил в своём сознании те пять-семь секунд. Это когда Ксения, грациозно наклонившись, наливала мне чай. Медленно наливала.

* * *

Проснулся в холодном поту. Под утро приснился кабинет стоматолога. Будто лежу в кресле, похожем на сидение космонавта. А надо мной парит в необъятном скафандре, преодолевающая гравитацию, наш зубной техник из ведомственной поликлиники, Циля Моисеевна. И говорит пискляво-детским голоском Женьки, включая бормашину на повышенные обороты:

– А тебя, правда, Андрюшей зовут?

Телефон, собака! Включил будильник на вибровзвонок и положил под подушку, вот он и. Быстро умылся, побрился, но, пробегая мимо спальни, остановился. Дверь была приоткрыта, видно, Женьку ночью выносили... Ну да, не удержался! Обе спали на правом боку в одинаковой позе. Я бы назвал эту позу «бегущие... по простыням!» Какие же они были красивые! Белокурые вьющиеся мелким баранчиком волосы разбросаны по синему полю подушек. Бесконечно длинная нога одной и кругленькая попа в синий горошек другой мило выглядели

из-под простыни. Но долг есть долг. В смысле служебный. Я вырвал из блокнота чистый листок и написал несколько прощальных слов девушкам.

«Рад знакомству. Я уехал на работу. Будете уходить, просто хлопните дверью.

Женька, не ходи по проезжей части. Андрей».

Потом достал из кошелька две тысячерублёвых купюры, свою визитку и положил на записку.

Мой личный состав

На стоянке возле ОВД «Новокузнецкое» моё место оказалось занятым. Нагло и, я бы даже сказал, бесцеремонно его занимал чёрный «мерседес» с синими служебными номерами. Пришлось оставить своего «барсика» чёрт знает где, между машин «пепсов». На небольшом плацу, вяло шевелясь и зевая, стояло несколько экипажей из роты ППС, вернее заступающие на дежурство. А перед строем, заложив руки за спину (так он казался самому себе более значительным), прохаживался и. о. командира роты ППС капитан Кошкин. Константин дрючил своих мужиков. Для профилактики. Проходя мимо Кошкина, я тихо позвал:

– Кись-кись-кись...

– Гы-гы-гы... – шатнуло строй от нахлынувшего чувства юмора.

– Проходи, Чапай, проходи. – зло цыкнул Кошкин, болезненно переживая за свой авторитет.

Расписываясь в журнале у дежурного за полученные сводки и почту за выходные, я раздражённо спросил:

– А что за борзый «мерс» на моём месте?

– «Гестапо»! – прошипел громким шёпотом дежурный. – Полковник и майор. Приехали и сразу к шефу попёрлись.

Интересно девки пляшут! Понедельник – и сразу такое. В моём отделении все уже были на месте. «Все» – это трое моих подчинённых, в настоящее время сидящих на своих затёртых креслах и сосредоточенно дующих в кружки с горячим кофе. У нас в отделе сотрудников моего небольшого подразделения называли «чапаевцами». Но это им даже нравилось. Представлю, пожалуй.

Капитан Черных Эрнест Анатольевич – мой заместитель, старший оперуполномоченный. Мы вместе с ним уже одиннадцать лет. Надёжный товарищ и отличный оперативник. В начале века мы с ним в горах Шатойского района Чечни сносили по две пары кроссовок, гоняя бандитов и убегая от их родственников. До конца срока командировки не дотянул, отбыл на лечение по причине ранения. Получил ожог роговицы глаз. Зрение полностью не восстановили. Носит тёмные очки. Награждён правительственной наградой, медалью «За Отвагу». Женат, дочь – школьница. Счастливый обладатель ипотеки и автомобиля «Нива». Волей судьбы тридцать три года назад был рождён в неполной семье, где главой сама себя назначила бабушка. Она и дала ему такое редкое в милицейской семье имя – Эрнест. Ещё в школе ему придумали солидное погоняло. И стал Эрнест Черных Эрнесто Че Геварой, или просто товарищ Че.

Старший лейтенант Дроздов Иван Иванович – оперуполномоченный. Двадцать пять лет (пока самый молодой по возрасту). В моей группе второй год. Бывший командир разведвзвода десантно-штурмового батальона морской пехоты дважды Краснознамённого Балтийского флота. Из армии уволен... по собственному желанию. На этой формулировке настаивает сам Ванька. За распутство! На этой формулировке настаивал генерал-майор, обладатель блудливой молодой жены. Стараются постичь разницу между Армией и МВД. Есть заблуждения. Незаменим при выполнении силовых операций. Холост, живёт с родителями. Спортсмен. Мастер спорта по рукопашному бою. Отстаивает спортивную честь нашего Управления по любому виду спорта в любое время года.

Старший лейтенант Арамян Алик Карапетович – оперуполномоченный. Недавно исполнилось двадцать семь лет. В группе три года. Пришёл в нашу систему сразу после юрфака университета, несмотря на обещание тестя лишиться всего. Но стал любимым зятем после того, как назвал своего новорожденного сына в честь папы жены – Гариком. И когда ребёнок повзрослеет, его будут с уважением называть Гарик Аликович. Обладатель самой крутой тачки в Управлении. Несмотря на это, стойко и мужественно переносит все тяготы и лишения поли-

цейской службы. Безотказен, инициативен... пижон и бабник. На вопрос: «У тебя, что, папа олигарх?» – кивает головой и не обижается. На самом деле дядя Карапет держит мастерскую по ремонту обуви, а по воскресеньям играет в парке на дудуке.

По штатному расписанию должен быть ещё один оперативный сотрудник, и он был. Был, да сплыл. Капитана Тюрина Степана Петровича у меня наглым образом сманили. Умыкнули... соблазнили радужными перспективами... замылили глаза благами и предпочтениями... ослепили блеском больших звёзд на погонах. И забрали ж, гадюки в галстуках, самого умного, самого интеллектуального, академически образованного. Единственного, кто умел красиво завязывать галстуки и не пил растворимого кофе. Единственного, кто из всего нашего отдела с удовольствием каждый день носил форму. Но со «старшими братьями» не поспоришь. И вот уже почти полгода на Стёпин стол сваливается всё, что мешает на столах действующих сотрудников. Ждём-с! Чего? Пополнение обещали.

О себе. Совсем немного. Майор Чапаев Андрей Васильевич, старший оперуполномоченный, командир отдельной группы по раскрытию тяжких преступлений (не путать с «убоем»). Что касается фамилии, то ничего смешного не вижу. Родственник? Может, и родственник. Кстати, батю моего Василием Ивановичем зовут. Вот где дед за свою жизнь всякого наслушался! Свои называют, а знакомые пробуют меня называть Чапаем. Реагирую в зависимости от настроения. Но выжили все! В группе со дня основания. Расследуем по горячим следам, ловим, сажаем, ведём профилактическую работу. Разведён. Год назад бывшая жена вышла замуж за иностранца. Мужик с Украины дёрнул, как только в Киеве покрышки задымили. Пробыл его. Так, ничего интересного по моей части. Мелкий комерс. Странно, но после второго замужества мать моего пятнадцатилетнего сына фамилию не поменяла. Я её понимаю. Кому охота быть Ириной Костогрыз? Пусть, не жалко. Есть сын Федька. Зачат на втором курсе Высшей школы тогда ещё милиции. Это ж когда было? Ну да! Шестнадцать лет назад. Как-то так, собственно.

– Васильич, слышал? К нам «гестаповцы» козырные приехали? Не знаешь по чью душу? – спросил Дроздов, ставя на мой стол чашку горячего кофе.

– Спасибо, Дрозд. Не знаю, но лопаты возле кабинета шефа видел. Совковые. Копать будут точно, – значительным тоном ответил я.

– Тут Корнев звонил из больнички. Туда терпилу привезли с ножевым... ждёт, когда операция закончится. Собачники в шесть утра дежурному позвонили. Они его возле дорожки в парке нашли. Думали трупак, а он лежит... пузыри пускает. Голова у мужика разбита, а в левой бочине ножик торчит. Но живой, бродяга, – рассказал утренние новости Черных.

– Понял, следаку позвоню. Алик-джан, ты с Джоником определился? Предъяву будешь писать или отпускаем? Сегодня срок. – Чувствую, что озадачил своим вопросом надежду армянской диаспоры.

– У меня время до обеда есть, Васильич, – как-то уж слишком громко грохоча ложкой в чашке, виновато ответил Арамян.

– Новый анекдот для настроения! – решил разрядить обстановку Дроздов. – Собрались как-то русский, американец и армянин.

– А почему сразу чуть что – армянин? – едва не вылив на себя чашку с горячим кофе, возмутился Арамян.

– А ничего, что там и русский присутствует? – совсем не смешно посмотрел в сторону сына армянского народа Дрозд, напрочь забыв, о чём анекдот.

Но тут мягко открылась дверь, и в нашу комнату, ослепив присутствующих блеском холёной лысины, заглянула голова начальника уголовного розыска, майора Крепченко.

– Здорово, мужики. Васильич, идёшь? – поинтересовался у меня Василий Иванович. – Там эти... уехали уже. Барин чё-то затих у себя. Пошли, пока в себя не пришёл.

Начальник криминальной полиции, майор Крепченко Василий Иванович, был моим другом, коллегой, ровесником и соплеменником по семейному положению. В том смысле, что,

как и я, был в разводе и наивно думал, что начинает новую жизнь. Физически Вася полностью оправдывал свою фамилию. Был под центнер живого веса, что давало ему преимущество при любом споре, даже теоретическом, и существенно сокращало время допросов подозреваемых. У него и шутки были специфичные типа «Сколько на человека ни кричи, всё равно один раз ударить надёжнее». Правда, иногда трудно не согласиться.

Дико обжёгшись горячим кофе и расплескав по столу коричневый кипяток, я выскочил в коридор, но за спиной успел услышать голос с чуть заметным акцентом:

– Ай, Дрозд! Совсем начальника не уважаешь, слюшай. Кофе сделал, а подуть в чашку забыл!

– Ах, ты. – гаркнул Ванька Дрозд, а дальше шум и что-то типа то ли «чудак», то ли «му...».

Взрослые мальчики баловались. По пути неожиданно столкнулись с выходящим из своего кабинета подполковником Зинченко. Николай Сергеевич в нашем отделе числился замом начальника по идеологической работе и кадровому обеспечению. Увидев меня, замначальника смастерил на своём лице озабоченность и, взяв меня под локоток, выдал:

– Чапаев, давно хотел с вами по поводу вашего сотрудника поговорить. Я Арамяна имею в виду, в части его морального и внешнего облика. Вы знаете, я его по форме ни разу не видел. А ведь скоро строевой смотр. У него что, её нет? Эти кожаные пиджаки, туфли из шкуры аллигатора... Задаю ему вопрос, а он мне отвечает типа «мне форма не идёт». Что за шуточки?

– Из каймана.

– Не понял. Что?

– Туфли у него из кожи каймана. Красивые – спасу нет, – позавидовал я, – это крокодилчик такой маленький. Обитает в реках Южной Америки. Арамян – хороший опер. Но я вас, товарищ подполковник, услышал. Приму меры, – серьёзным голосом пообещал я.

– Я тоже на контроль возьму, – на ходу, что-то записывая, сказал подполковник.

– Чуть не забыл. Кайманы ещё в штате Флорида встречаются, – с познавательной целью поведал я. – Это в Соединённых Штатах.

Зинченко пытался обратить моё внимание ещё на что-то, но этого мы уже не слышали, так как входили в кабинет полковника Жукова Филиппа Петровича. За длинным столом уже сидели все наши. Начальники отделов, служб и групп. Но наши с Васей два стула по правую руку от шефа были свободны. Кивнув всем, кроме Сани Мишина, командира нашего ОМОНа, я занял своё место. Почему не кивнул? Уже месяц этот гад должен мне десять штук. Занимал на неделю, а мне... а мне кота кормить.

– Товарищи офицеры, надеюсь, со сводкой все ознакомлены. Давайте конструктивно проведём сегодняшнее совещание по сокращённой программе, так сказать. Меня тут в главк... да и вообще за выходные дел накопилось. Слушаем по порядку начальников. – начал вещать наш старина «Фил».

– Андрюх, завтра отдам, ей-бо... Ну, чё ты? Я сегодня хотел. Людка с утра достала. Владика за садик. Владика за садик. – бубнил мне в ухо «омоновский» начальник, сжимая и разжимая свои кулаки.

– Да иди ты в жо... – громким шёпотом послал я этого финансового афериста.

– Что жёлтый, Чапаев? При чём здесь?... – тут же среагировал обладающий не очень острым слухом полковник.

– «Жёлтый» уровень, товарищ полковник. Сегодня утром объявил метеоцентр. Возможен ураган, – не моргнув глазом, прикрыл меня Мишин. – Помеха для следственных действий.

– Ага, и цунами! – гоготнул пэпээсник Костя Кошкин.

– При чём здесь. Продолжайте, Василий Иванович, – кивнул в сторону Крепченко полковник Жуков.

– По убийству предпринимателя Салямова дело передали. – продолжил бубнить майор Крепченко, заглядывая себе в блокнот.

Было заметно, что наш «Фил» куда-то спешит, часто смотрит на часы и поторапливает докладчиков, облегчая им жизнь. До начальников финслужбы, отдела кадров и хозяйственника вообще дело не дошло.

– Совещание закончено. Все свободны! – хлопнув обеими ладонями по столу, объявил Жуков, – Чапаев, задержись.

– Так, а чё, товарищ полковник? У меня потерпевший с ножевым. Мне ж в больницу. Следак давно ждёт, – попытался я вырваться на свободу.

– Садись, Андрей, – подождав, пока все выйдут из кабинета, сказал начальник. – Слушай, у тебя же в группе так до сих пор и некомплект? – каким-то мрачным голосом задал мне почти еженедельный вопрос Филипп Петрович.

– Пока да. Черных сказал, что у него один толковый участковый есть на примете. Вот думаем. А что, Филипп Петрович? – не понимая, куда клонит начальник, спросил я.

– А то, – не глядя на меня, буркнул полковник и нажал на кнопку селектора, – Клавдия Ивановна, там где-то рядом с вами должна быть Лядова.

– Есть такая, Филипп Петрович. На рыбок в аквариуме смотрит, маникюром по стеклу тарабанит, – ответила секретарь начальника голосом без эмоций. – Им, рыбкам то есть, очень цвет ногтей её нравится.

– На рыбок... Пусть заходит, – миролюбиво ухмыльнулся Жуков.

Несколько секунд, пока не отключился селектор, было слышно:

– Милая... отвлечись, пожалуйста. Тебя Филипп Петрович. Иди, милая, иди.

– А?

Дверь открылась, и на пороге появилась девушка лет двадцати. Длинные русые волосы были завязаны в «хвост». Первые верхние три пуговицы клетчатой рубашки были расстёгнуты, показывая (кому интересно) верхний край ярко-красного бюстгалтера. Короткая джинсовая юбочка давала возможность рассмотреть загорелые спортивные ноги в красных кедах на толстенной платформе. На её плече болталась ярко-жёлтая сумочка, а в руках она держала тонюсенький пижонский портфельчик с теснением «Gucci». «Корреспондент, небось. И всё на мою голову», – невольно подумал я, нервно барабанив пальцами по столу.

– Можно? Здрасьте, – задорно улынулась жизнерадостная гостья, кокетливо одёргивая «подскакившую» юбочку.

– Звание? – вдруг, побагровев, рыкнул полковник, сжимая кулаки вместе с верхними листами чьего-то доклада.

– Чт... что? – поперхнувшись жвачкой, переспросила побледневшая девушка.

– Какое звание вам присвоено по окончании учебного заведения? – медленно вставая из-за стола, продолжал выдавать децибелы Фил.

– Лейте... лейтенант полиции, – скривив губки, пискнула коллега, невольно пятясь назад к двери.

– Так вот, лейтенант! Вышла и зашла, как полагается офицеру. Представиться по всей форме! Я те дам «зд-расьте»! – продолжал бушевать Петрович. – Ты офицер или прости. Просто позор какой-то! Марш с глаз моих!

Вот, честно говоря, не знал, что сопли, слёзы и слюни могут проистекать одновременно. Могут! Одновременно хлопнув всем этим, чудо в красных кедах, выронив свои «Gucci», сначала лбом боднула закрытую дверь, а потом юркнула в щель, своевременно предоставленную чуткой на слух Клавдией Ивановной.

– Виноват, товарищ полковник. И что это было? И я, прошу прощения, при каких. – нетерпеливо глядя на часы, спросил я у шефа.

Лицо у полковника Жукова начало светлеть, а вена на лбу спряталась в морщинах. Он сел напротив меня, зачем-то налил полный стакан воды, придвинув его ко мне, и, отечески заглядывая в глаза, сказал:

– Андрюха, выручай. У меня тут с утра. Короче, начальник нашего УСБ, полковник Лядов, – это её отец. Девка только наш ведомственный университет закончила, хочет в полицию работать. И не просто бумажки перекладывать, а бороться, понимаешь. Рвётся в «убойный», но ты ж понимаешь. Там все, как на подбор... мужланы, матершинники... пьющий народ. Чему она у них научится? Вася ж сядет на неё и не заметит! В общем, дикие все, начиная с начальника!

– Да ничего, Филипп Петрович, научится... – попытался пошутить я.

– Ты, Чапай, меня слушай. Другой вопрос – твои «чапаевцы». Все парни с верхним образованием, интеллектуалы. Не перебивай! Покажите этой засранке в красных кедах, что это не её. Что у нас головой думать надо, а не. Прикрепи к ней сотрудника поумнее, пусть почувствует рядом с ним свою беспомощность. Твои «кавалеристы» с неё быстро спесь собьют. Бороться она собралась... ты смотри. Но, Андрей, это всё между нами. Лядов, мой бывший однокашник, мы с ним никогда не дружили, но тот пост, что он занимает. Сам понимаешь. Ну и у тебя перед «гестапо» преференции появятся. Косяки-то есть? Лядова у тебя как знамя пуленепробиваемое будет. А, Чапаев?

«А у кого их нет? Косяков этих.» – думал я, понимая, что альтернативы предложению нет. К тому же надо же кому-то, в конце концов, разгрести те бумажные завалы на бывшем столе нашего бывшего сотрудника капитана Тюрина. Я ничего не сказал, я просто кивнул головой, многозначительно посмотрев ещё раз на часы. Мол, преступность не дремлет, пока мы тут с вами.

– Вот и хорошо, вот и молодец. Я всегда говорил, что майор Чапаев. Клава, где там лейтенант Лядова? – нажимая на кнопку селектора, доброжелательно спросил полковник.

– Рыдает человек. – коротко ответила секретарь.

– Передай ей, что, если через три минуты не зайдёт и не представиться по форме, буду звонить её отцу, – строгим тоном объявил своё решение Жуков.

Через минуту двери распахнулись, и в кабинет начальника, насколько позволяла мини-юбка, почти строевым шагом вошла лейтенант Лядова. «Хвост» был закручен на затылке, пуговицы застёгнуты под горло, нос высморкан, слёзы высушены. Сразу было видно, что Клавдия Ивановна сложа руки не сидела. «Топ-топ-топ», – шлёпали резиновые платформы по полковничьему ламинату.

– Товарищ полковник, лейтенант Лядова. Прибыла по случаю представления! – выговаривая каждую букву, крикнула в сторону полковника лейтенант.

– Здравствуйте, товарищ лейтенант. Представляйтесь, – ответил чуть опешивший начальник, привставая со своего кресла.

– Лейтенант полиции Лядова. Закончила Московский университет МВД России, факультет подготовки сотрудников оперативных подразделений полиции. Направлена в ваше подразделение отделом кадров Главка, – чётко доложила лейтенант, сделала шаг вперёд и положила на стол полковника сопроводительные бумаги и новенький диплом.

– Садитесь, лейтенант, – кивнул полковник, приняв доклад, и показал на свободный стул. – А почему не по форме одеты, позвольте узнать?

– Ушивают! – громко пояснила лейтенант, глядя в глаза портрету Ф.Э. Дзержинского на стене.

Лядова попыталась присесть, но мини-юбочка предательски поползла вверх, и девушка, порозовев щёчками, сказала:

– Я постою. Разрешите, товарищ полковник?

Жуков покосился на ровненькие, красивого бронзового цвета ножки лейтенанта, кашлянул в сторону и негромко буркнул:

– Да стой уже...

Потом (видно для самоуспокоения) что-то полистал в календаре и перешёл на официальный тон:

– Лейтенант Лядова, поступаете в распоряжение начальника оперативно-розыскного отделения майора Чапаева Андрея Васильевича. Пока в качестве стажёра с испытательным сроком. Вот, так сказать... Прошу любить и жаловать, – кивнув в мою сторону, объявил полковник.

– Как оперативно-розыскного? Я же рапорт подавала в убойный, товарищ полковник! – как-то даже возмущённо повысила голос новоиспечённый лейтенант полиции.

– Значит так. – заглянув в бумаги, продолжил Жуков. – Светлана Ивановна! Малейший прокол, залёт, замечание или выговор от непосредственного начальника, и ты у меня мигом в участковые вылетишь. По обоссанным подъездам бомжей гонять и с алкашами профилактические беседы проводить. С родителем твоим мы этот вопрос уже оговорили. Всё ясно, лейтенант Лядова? Не слышу!

– Ясно. – чуть слышно хныкнула барышня.

– Не понял. – сдвинул брови начальник.

– Так точно! – звонко откликнулась полицейская, глядя перед собой.

– Всё. Жди своего начальника в коридоре. В коридоре, а не на плече у Клавдии Ивановны. Марш! – строго приказал полковник.

Подождав, пока тяжёлая дверь закроется за джинсовой попкой моей новой подчинённой, я попробовал смягчить обстановку:

– Филипп Петрович, может, не стоило про обоссанные подъезды? Девушка... вроде...

– Девушки в полиции не служат, девушки с мамкой и папкой дома сидят, кроссворды разгадывают и «Давай поженимся» смотрят. Ты, Андрей, с ней построже будь. Со слов Ивана Макаровича, она девка не балованная, но самостоятельная очень. А ты сам знаешь, дисциплина в нашем деле на первом месте. Отец просил не церемониться. Чуть что – и ремня разрешил всыпать. Шучу, конечно. Пристегни её к кому-нибудь посерьёзней. Вон хоть к Чегеваре своему. Пусть месячишко в бумагах поковыряется, за спиной постоит, а там посмотрим... Может, и правда куда-нибудь «на землю» её. А? Ну, давай, – уже думая о чём-то своём, сказал Филипп Петрович и как-то мягко и бережно пожал мне руку. Как будто соболезнавал.

«Мой» лейтенант стояла в коридоре, плотно прижавшись спиной к стенду «Лучшие сотрудники нашего отдела». Указав кивком направление движения, я, не оборачиваясь, неспешно пошёл по длинному коридору. Нас обгоняли, шли навстречу коллеги, посетители, просители, заявители и другие лица, по своей и не по своей воле попавшие под крышу нашего славного Новокузнецкого отдела полиции. Удивляло одно. Все они оценивающе провожали взглядом не молодого симпатичного широкоплечего майора полиции, а «гладили ресницами» эту пигалицу в красных кедах с красным носом и зарёванными глазами.

– С какими результатами закончили универ? – решил начать диалог с несложного вопроса я.

– Нормально. Две «четвёрки»... остальные – «отлично», – глядя в пол, ответила моя новая подчинённая.

– Интересно. И что помешало получить «красный» диплом? – поинтересовался дотошный начальник.

– Психология и физподготовка, – ответила лейтенант.

– Спорт не любите? – попробовал съязвить КМС¹ по боксу.

¹ КМС – кандидат в мастера спорта.

– Да нет... хамов не люблю. И в спорте тоже. Разрешите не объяснять. Я, товарищ майор, дзюдо серьёзно занималась. Пока училась, за сборную «Динамо» выступала, – спокойно, без тени зазнайства и хвастовства ответила начавшая набирать в моих глазах очки лейтенант Светлана Ивановна Лядова.

Наш дальнейший диалог прервала дверь. Дверь с двумя табличками на уровне глаз. На одной было написано: «Отдел оперативного розыска». А на второй: «Нач. ООР майор полиции Чапаев Андрей Васильевич».

– Так ваша фамилия и правда Чапаев? – округлила глаза лейтенант, расстегнув от неожиданности верхнюю пуговку рубашки. – А я думала все шутят... Чапай... Чапай.

– Запоминай. Быстро. Ты для меня «ты»! А я для тебя – шеф, Андрей Васильевич, товарищ майор, господин, хозяин, ваше превосходительство, светлейший. А теперь – в новый мир!

С этими словами я втолкнул лейтенанта Лядову в наш кабинет, где как раз между «чапаевцами» шёл мирный дискуссионный спор, кому мыть чашки после утреннего кофе. Кстати, мой уже остыл.

– Прощу... пока жаловать. С остальным разберёмся по ходу. Лейтенант Лядова Светлана Ивановна, зачислена стажёром в наше прославленное отделение с испытательным сроком, – представил я девушку, с удовольствием наблюдая, как вытягиваются лица, округляются глаза, открываются рты и начинают течь слюни (согласен, лишнее.) у моих сыщиков.

– Позвольте представиться! – вскочил со своего места жгучий брюнет армянской национальности, – Арамян Алик. Пока ещё старший лейтенант, но перспективы ясно проглядываются. Светочка, знайте! Где бы вы ни жили, нам по пути. Мой конь всегда.

– Очень приятно. Светлана. Спасибо, Алик, я на колёсах. – скромно улыбнулась лейтенант.

– Черных Эрнест Анатольевич. Капитан полиции, – мельком взглянув на лейтенанта, представился наш Чегевара и опять уставился в монитор компьютера.

– Лейтенант Лядова, – кивнула в ответ Светлана Ивановна.

– А мы с тобой тёзки. В смысле – я тоже Иванович. И зовут меня Ваней, – широко улыбнулся Дрозд, помахав Лядовой со своего места.

– Здорово! А я Света, – ответила Лядова, помахав в ответ. – А где моё место, товарищ майор?

– Ванька, Алик – со мной, Чегевара на связи... И разберись тут, – кивнул я в сторону лейтенанта Лядовой.

Выскочив в коридор, мы все прижались ушами к двери и слышали вопрос, а потом монолог Чегивары:

– Светлана Ивановна, кажется? Светлана Ивановна, помойте кружечки. Нет, из вон той кофе не выливайте, шеф холодный любит и чтобы сахарку побольше. А ваше место вот. Разберётесь, надеюсь? – небрежно показав на гору папок на столе, поинтересовался товарищ Че.

Каталы катаются на такси

Со следователем Корневым знакомы мы были давно. Владимир Руфатович был человеком уже довольно пожилым, а оттого неспешным и неконфликтным. С операми не задибался, лишний раз не гонял и был глубоко убеждён, что даже самое сложное дело рано или поздно ко всеобщему удовольствию разрешится. Само. Вот и сейчас он скромно посапывал в кресле в зоне отдыха хирургического отделения районной больницы. Белый халат давно сполз с его покатым плеч, но пальцы цепко держали покоившийся на коленях старый кожаный портфель с перемотанной синей изолентой ручкой.

Нам до него оставалось метра три, когда Корнев вдруг открыл глаза и печальным голосом давно живущего на этом свете человека сказал:

– Здравствуйте, Андрюша, здравствуйте, мужчины! Клиент после операции в отдельной палате отходит от наркоза. Врач сказал, что вот-вот очухается... Ну, что, господа? Клиента пытались остановить ударом тяжёлого ребристого предмета, предположительно кастетом. Но не тут-то было, не так просто остановить туловище под сто двадцать кил весом. Тогда сунули ножик по самую не балуй в левый бок. Рана не опасная сама по себе, лезвие чуть надрезало селезёночку, со слов хирурга. Но крови потерял много. Ещё наш эксперт говорит, что хорошо, что ни у кого из свидетелей не хватило ума ножик из раны вытащить. Если б вытащили, хана, кровью бы истёк. Нападение было совершено в два – два тридцать ночи. Причём почти там же, где и нашли потерпевшего. В карманах, на руках и шее ничего. Но, думаю, было. Одет дорого и модно.

– Понятно. Руфатыч, а личность установили? – начинаю забрасывать следака типовыми вопросами.

– Пока нет, пробиваем по нашей базе, – сонно ответил Корнев.

– Свидетели? Кто нашёл человека? – подключился Дроздов.

– Вот адреса, телефоны и исходные данные, – протянул мне листок с записями следователь, кутаясь в халат. – Если бы собачники пошли другим маршрутом, через час мужика бы уже не спасли.

Из реанимационного бокса вышел толстый небритый мужик в синей хирургической униформе и в камуфляжной косынке на голове. Снял маску, посмотрел на нас, достал из-за уха сигарету и, понюхав её, пробасил в сторону дежурной медсестры, хлопая себя по карманам:

– Машка, а что это за куча народу?

– Это не куча, Михал Иванович. Это полиция, – хихикнув, ответила Машка, не отрываясь от телефона.

– А, центурионы! – ухмыльнулся эскулап и, одобряюще посмотрев на Машкину попу, подошёл к нам. – Мужики, если вы по поводу Сажина, то можете не ждать.

– Как не ждать? – сонно зевнул следователь Корнев.

– Помер, что ли? – встрепенулся Дроздов.

– Это какой такой Сажин? – решил всё же уточнить я.

– А тот, который сейчас в реанимации хрючит. Мужiku нужно оклематься, как следует. Часов через пять-шесть приходите. А Сажин потому, что Сажин. Его наша операционная сестра опознала прямо на столе. Оказывается, этому мужчине полгода назад здесь же, у нас, аппендикс удаляли. Не моя смена была, а Наталья подменилась тогда и работала. Вот и узнала. Сначала по шву, а потом по физиономии. Память у неё зрительная хорошая.

– Так, а где... – попытался поинтересоваться Алик.

– В регистратуре. Там все данные, включая адрес. Ко мне ещё вопросы будут? А то мне мыться нужно, плановая операция через двадцать минут, – посмотрев на часы, объяснил доктор.

– Док, а по вашему мнению, удар по голове... – начал было я.

– Правый боковой, если вы в боксе разбираетесь, – не дождавшись вопроса, ответил эрудированный хирург. – Но, видно, роста супостату не хватило. Потерпевший мужик высокий, вот кастет вскользь и прошёл. Кусок скальпа снял, шкуру попортил, гематомка обширная, но подкожная... короче, ничего страшного, – опять закладывая сигарету за ухо, ответил эскулап.

– Спасибо, док, – кивнул я, дав понять, что пока вопросов больше нет.

– Да, а что же вы о ноже не спрашиваете? – спросил Михаил Иванович, остановившись на полдороги от операционной и вынимая из кармана предмет, перемотанный марлей, с пятнами крови.

И вот тут все посмотрели не на Михал Иваныча, не на нож в окровавленной марле и даже не на попу продолжающей болтать по телефону медсестры Маши. Опера смотрели на следователя Корнева Владимира Руфатовича, в обязанности которого входил сбор вещественных доказательств, орудий преступления и прочих обязательных процедур, связанных со следствием. Нет... ну мы-то думали... а он! Пока Руфатыч молча открывал рот, багровел лицом и шмыгал носом, доктор подошёл ко мне и сунул в руку марлю с пятнами, похожими на кровь, и предметом, на ощупь похожим на нож.

– Так, на всякий случай. Ножик обычный. Кухонный. Из набора, я думаю. Такие наборы в любом хозяйственном продают. Пока новый, острый, как собака. – на всякий случай пояснил Михал Иваныч и, кивнув всем, мурлыкая что-то себе под нос, скрылся за непрозрачной стеклянной дверью со строгой надписью: «Операционный бокс. Посторонним вход строго запрещён».

– А когда бы я... мы? Наш медэксперт приехал, когда этого подрезанного уже в больницу увезли. Так что его, а тем более нож у него в бочине, никто в глаза ещё из следственной группы не видел. Спасали ж человека! Понимать надо! И там темно ещё было. – начал было оправдываться Руфатыч.

– Значит, так. Алик, в регистратуру. Изымаешь все документы пострадавшего. Дрозд, звонишь Чегеваре, пусть пробьёт по нашей базе господина Сажина. Потом вместе с Аликом в адрес. Мамы, папы, жёны, дети, любовницы, соседи... по полной программе. А мы с Владимиром Руфатовичем на место преступления и туда же собираем свидетелей. Потом Руфатыч возвращается в больничку и проводит первый допрос потерпевшего, а я на базу. Сбор в семнадцать часов. Вопросы? – почти скороговоркой выпаливаю я.

– Так, может. – в чём-то засомневался Владимир Руфатович, вспомнив, что следствие, собственно, ведёт он.

– Все вопросы в семнадцать ноль-ноль, – чуть повысил голос я, давая понять, что никто его за халатное отношение к орудиям преступления ещё не прощал.

Спускаясь к машине, звоню своему заму:

– Спите, товарищ Эрнесто? – спрашиваю строго.

– Ну, во-первых, не Эрнесто, а Эрнест, учи вас. А во-вторых, поспишь тут. Такое впечатление, что воспитателем в детский сад устроился, честное слово. Где ты её взял? Башку от её вопросов рвёт! – шёпотом ответил Чегевара, сидя в своём кабинете на своём рабочем месте.

– Потом расскажу. Сейчас тебе Дрозд звонить будет. Отработаешь вопросы, сразу инфу мне сбросишь. Чем Лядова занимается? – почему-то тоже шёпотом задаю вопрос.

– Полы моет и вопросы задаёт. Попросила, чтобы в её сторону не смотрел из-за короткой юбки, и моет. Сказала, что завтра в джинсах придёт и окна вымоет, а то, типа, во тьме пребываем. Ничё так девка, не кобенится. Давай, Андрюх, а то мне пора воду в ведре менять. Пойду, а то злится, – как-то по-домашнему ответил Чегевара и отключился.

«Может, она и борщ умеет варить?» – как-то стремительно пронеслась мысль, опережая другую мысль: «На хрена я согласился?»

В «родное гнездо» я вернулся первым. Собственно, кабинет нашего отделения планировки был странной. Случайный или вызванный посетитель попадал в достаточно большое помещение площадью метров сорок. В этом пространстве в хаотичном порядке были разбросаны: четыре письменных стола с компьютерами, один шкаф с чёрт-те чем, три стеллажа с папками и журналами, две навесные полки (опять же с чёрт-те чем), четыре металлических сейфа, крашенных зелёной масляной краской, с залапанными дверками, и вечно падающая вешалка на трёх ножках. В углу стоял хронически виноватый перед всеми за пустоту своих полок холодильник, купленный в складчину года два тому назад. На стенах висели два портрета. Любимого президента и обожаемого министра внутренних дел. Прикол был в том, что президент с министром старели с каждым годом, а их портреты нет! В дальней стене общего кабинета существовал проход в другой кабинет, поменьше. Это был мой личный кабинет. То есть проход в кабинет был, а вот двери в него не было. Фамилия придумавшего такую планировку архитектора была строго засекречена. И вызванный или добровольно рвущийся со мной пообщаться был вынужден сначала постучать в висевший на стене фанерный плакат и громко спросить: «Можно?» или «Разрешите?». В зависимости от вопроса звучали одни и те же ответы: «Можно козу на возу...» или «Давай, только быстро!» На плакате была изображена баба со злым лицом и толстым пальцем у нижней губы. А внизу было написано: «НЕ БОЛТАЙ». Стучали обычно ей в голову. Оттого с каждым годом «наша баба» становилась всё страшней и страшней.

В прошлом году проверяющий подполковник из Главка, увидев нашу злую бабу, спросил у шефа:

– Филипп Петрович, а эта наглядная агитация для кого висит? Для задержанных или сотрудников? Что значит «не болтай»? А напомним, пожалуйста, у Чапаева, какой процент раскрываемости?

Мой закуток оригинальностью дизайнерских решений не отличался. Ну разве что. На одной из стен висела большая репродукция портрета героя революции комдива Чапаева Василия Ивановича. А под ним приладили муляж кавалерийской шашки в ножнах и деревянную кобуру от легендарного пистолета «маузер». Шашку и портрет подарили мне сослуживцы на один из дней рождения. Сказали, что купили на «птичьем» рынке. А кобуру нечаянно конфисковал как вещдок на обыске в каком-то народном театре Вася Крепченко. Не знаю, прибавляло ли мне всё это авторитет, но на вопросы посетителей мои опера честно отвечали, что это действительно шашка и «маузер» прадеда майора Чапаева. Зато появилась традиция. Каждый год на седьмое ноября под портретом ставили грубо сколоченную табуретку с букетом цветов и стаканчиком водки с куском чёрного хлеба. Что интересно, утром восьмого числа водки в стаканчике не было. Подозревали уборщицу тётю Лизу. Но претензий не предъявляли. Уж очень крупной была тётя Лиза. А там, где есть традиция, есть и её сподвижники.

Как сказал майор Крепченко, «Красивый повод оправдывает любую пьянку!»

К чему я это? Первое впечатление было, что я в запарке не в свой кабинет попал. От запаха и блеска чистого линолеума захотелось снять туфли. Это что ещё за... Столы выстроились в две шеренги напротив друг друга. Теперь их хозяева не будут прятаться за сейфами, полками и стеллажами, а открыто и честно смотреть товарищам и коллегам в глаза. В углу за шкафом был оборудован кухонно-чайный уголок с холодильником, посудой, чайником, кофе, сахаром и целой миской овсяного печенья. Даже портреты с президентом и министром радовали чистотой и как бы помолодели ещё больше. Из-под стёкол были убраны и наконец похоронены дохлые мухи и другие вредные насекомые, а рамочки были начищены и сверкали сусальным золотом, как буквы на траурных лентах.

Я с опаской заглянул в свой «аппендикс», как называл его Чегевара. Пол мыли, это точно. И всё как бы. Показалось только, что Василий Иванович на портрете как-то повеселел. Всё остальное было на привычных местах. Ладно, живите.

– Андрей Васильевич, чай, кофе. – встала со своего места, поправляя короткую юбочку, лейтенант Лядова.

– Спасибо, позже. Анатолич, зайди. – сказал я и широким майорским шагом пошёл на своё рабочее место.

– Ноги. – что-то пискнуло сзади.

– Что? – не сразу понял я.

– Ноги, Андрей Васильевич, вытирайте. Тряпка у порога, – осмелев, поставила меня в известность новый сотрудник отдела.

Конечно, я мог бы. И надо было бы. Но я же не. Что ж мы совсем, что ли. Короче, я вернулся и вытер туфли о чуть влажное оранжевое махровое полотенце. Это потом я вспомнил, что полотенце было Алика. Банное. Он всё забывал его забрать домой постирать и прятал в шкаф. А ребёнок увидел и спросил дядю Чегевару:

– Можно?

– Можно! – с удовольствием ответил дядя Чегевара, сразу узнав оранжевое полотенце Алика.

Черных вошёл вслед за мной и сел на кожаный диван, помешивая в пол-литровой кружке напиток неизвестного происхождения. На моей памяти он так по молодости коньяк мешал чайной ложечкой. Сидел себе, мешал и отпивал мелкими глотками, постепенно сползая со стула. Правда, давно это было.

– Есть что нового? – спросил я, понимая, что пока из больницы не вернётся Корнев, все новости не в счёт.

– Она ещё по-английски свободно лопочет... – полушёпотом доложил самую важную новость Черных.

– А не охренел ли ты, Анатолич? Я тебя про другие. – зашипел я, багровея от желания учинить самосуд над планировщиком моего кабинета за отсутствие входной двери.

– А... так бы сразу... Сажин Сергей Трофимович, проживает по адресу.

– Дальше.

– Два года назад был привлечён по статье 171-й, 2-й части. Признан виновным, мера пресечения – штраф пятьсот тысяч российских рубликов, – зачитал из своего блокнота Чегевара.

– Это что-то с азартными играми? – вспоминая не слишком популярную у нас статью, спросил я.

– Статья 171-я УК РФ. Незаконные организация и проведение азартных игр. Часть 2-я – деяния, совершённые группой лиц по предварительному сговору, – донеслось из соседней комнаты.

– За знание статей УК РФ и хороший слух выношу благодарность. Без занесения. За то, что без разрешения встречаешь в разговор и перебиваешь начальников, объявляю выговор. Без занесения. «Плюс» на «минус» что будет, Лядова? – поинтересовался строгий, но справедливый начальник отделения.

– Ноль... – чуть слышно ответила лейтенант.

– Правильно. Вот эта цифра пока у тебя в активе, – поставил точку в воспитательной работе на сегодня я.

Мягко хлопнула входная дверь, оповестив о незапланированном вторжении.

– Ноги! – практически в унисон крикнули лейтенант Лядова и капитан Черных, напрочь выведя меня из рабочего состояния.

У двери стоял перепуганный сержант и нервно топтался на мокром банном полотенце.

– Тащ майор, вам заключение по орудию... передали, – заикаясь, протягивал в пустоту листок бумаги посыльный.

– По какому орудию? – сразу не понял я. – Лейтенант, забери у него.

Из-за груды папок на столе появилась Лядова и, улыбаясь и красиво работая бёдрами, пошла в сторону сержанта.

– Ух ты ж... ёб... – сдавленным голосом произнёс парнишка, выпустил из рук файл с заключением эксперта и, открыв лопатками дверь, вывалился в коридор.

– Разрешите? – на всякий случай спросила Лядова, входя в мой «аппендикс».

– Давай, только быстро, – ответил я, забирая у неё заключение. – Так... нож с лезвием длиной 120 миллиметров, шириной в нижней части 30 миллиметров... толщина клинка 2.2 миллиметра. Твёрдость клинка по Роквеллу – 36 единиц. Заточка стандартная... так... ручка пластиковая... Так, это понятно. Упор на рукоятке отсутствует, выемки для пальцев. Фигня, короче. Вероятней всего, является кухонным ножом из кухонного набора китайского производства. Холодным оружием не является.

– Вот так, холодным оружием не является, а мужик чуть на тот свет... – начал излагать глубокую мысль Чегеvara.

Но тут в очередной раз мягко притёрлась к косяку наша дверь, впуская кого-то своего. И неожиданно дружно, не сговариваясь, в одной тональности, но в разных октавах прозвучало трио:

– Ноги!

– Это что-то новенькое. Обычно при захвате орут: «Руки!», – удержав Алика от неверного шага, сказал Дрозд.

Алик, печально посмотрев себе под ноги, чуть слышно сказал, осторожно вытирая кроссовки:

– Тёща на День милиции подарила.

Смеялись все. Недолго, но с удовольствием! В сущности, всем понравилось, как Светлана предложила расставить нашу нехитрую мебель. Посвежело как-то.

– Это по фэншую? – поинтересовался любознательный Дроздов.

– Не знаю, – смутилась Лядова, – просто так уютней.

– Предлагаю отметить новоселье, – красиво улыбнулся Алик, потирая руки.

– Ты Джоника отпустил? – как бы между прочим напомнил я.

– Обижаешь, шеф! Ещё до обеда, – изменился в лице Алик. – Решил поверить ему в последний раз.

– Коротко – у кого что? Лядова, а ты слушаешь. Поняла? – строго спросил я.

Наш стажёр бодро подскочила со своего кресла, отблагодарив присутствующих видом стройных загорелых ножек.

– Так точно! – не поняв подвоха, ответила лейтенант, но тут же, прикрыв ноги папкой для бумаг и начиная стремительно заливаться краской, упала в кресло на колёсиках.

– Шеф, а спроси ещё что-нибудь... ну Васильич, – заныл Алик, восхищённо наблюдая за столом лейтенанта Лядовой.

– Чегеvara, ты первый, – кивнул я, прохаживаясь по свободному пространству между столами коллег. «А неплохо получилось у полковничьей дочки. Я всех вижу и слышу, они меня (такого красивого) наблюдают и внемлют», – с удовлетворением укладывалось в сознании.

– Понял. Значит, так, Сажин Сергей Трофимович, погоняло «Сажа», 1973 года рождения, русский, проживает по адресу: улица Генерала Стрельникова, дом.

– Дальше... самое интересное давай, – нетерпеливо посмотрев на часы, попросил Дроздов.

– На свиданку торопишься? – хмыкнул Алик.

– На неё, родимую, – улыбнулся Дрозд.

– Подвезти? – предложил свои услуги добрый армянин.

– Может, хватит? Мне вот спешить особо некуда, могу сначала вас послушать, потом с Лядовой о текущих тенденциях моды поговорить. Кстати, лейтенант, вы говорили о кофе. – вопросительно посмотрел я в сторону пирамиды папок на столе стажёра.

– Дальше. В 2012-м привлекался по статье 171-й, части 2-й, тогда с него слупили пол-лимона российских дензнаков. В виде штрафа по приговору.

– Катала, наш клиент, – наблюдая, как Лядова подаёт мне кружку с кофе, отозвался Алик.

– И не просто катала, а ещё и организатор. В 2013-м, 2014-м и 2015-м привлекался по этой же статье, но осуждён не был. Проходил как свидетель, – продолжал вываливать информацию Чегевара.

– Откупился, злодей, – подтвердил общее молчаливое мнение Алик.

Тем временем я попытался сделать первый глоток долгожданного кофе... но уже через секунду, отвернувшись, вернул его из себя в кружку.

– Что это, бл..? Ля... Лядова, тебе жить надоело? – сморщившись, будто только что сожрал попавшую в кружку беременную зелёную муху, прохрипел я.

Язык прилипал к нёбу, а губы свернулись в уродливую, слегка небритую трубочку. Остатки во рту страшно сладкой и холодной коричневого цвета субстанции вызывали тошноту и, мягко говоря, недоумение.

– А я... а мне сказали... я и положила шесть ложечек. И в холодильник поставила, – под всеобщее ржание, с ненавистью глядя на упавшего под стол Чегевару, мямлила лейтенант Светлана Ивановна Лядова.

– Вот, стажёр, с какими идиотами вам придётся набираться опыта, – мудро констатировал я, вернув ей свою кружку с ледяной бурдой. – А для общего развития: две ложечки кофе на полкружки кипятка без признаков сахара. Дальше поехали.

– Два свидетеля допрошены под протокол. Первый увидел и закричал, второй услышал крик и позвонил в дежурную часть, в скорую и МЧС, – начал рассказывать старший лейтенант Дроздов.

– А в МЧС зачем? – на всякий случай спросил Чегевара.

– А на всякий случай, – невозмутимо отозвался Дрозд, три часа назад сам задававший подобный вопрос.

– Были в адресе, разговаривали с мамой потерпевшего. Мама сказала, что у Серёженьки уникальные пальчики, что Серёженька очень востребованный массажист и хорошо зарабатывает, – продолжил доклад уже Алик.

– Ага. Это она сказала после того, как ты вылупил zenки на обстановку в квартире, – дополнил друга Дрозд.

– Ну, так, как в музей попали. Ни хрена... пardon, мадам, массажисты зарабатывают своими щупальцами! – возмущённо заметил Алик.

– Мадемуазель. – чуть слышно прозвучало из-за стопки папок.

– Видно, профессионально работает этот катала. Ну не везунчик же он хронический, – вставил фразу Дрозд.

В дверь постучали. Из наших общих знакомых по Отделу внутренних дел таким воспитанным, таким интеллигентно вежливым мог быть только один человек.

– Заходи, Володя, открыто! – крикнул я, приглашая следователя Корнева на нашу общую дискуссию.

– Ни хрена себе! – сразу решил выдать эмоцию на-гора от увиденной перестановки в нашем кабинете Руфатыч. – по фэншую?

– По нему. Рассказывай, старина, время уже. – занервничал Дрозд.

– Давай, Руфатыч, видишь, как человек ножками сучит. Личная жизнь в цейтноте, – поторопил следователя Алик.

– Расколол я его... обосрался наш терпила! – громогласно-жизнерадостным голосом объявил наш воспитанный, интеллигентный следователь Корнев.

– Руфатыч! Застрелитесь! С нами... мадемуазель! – показывая на заваленный бумагами стол, пафосно объявил Алик.

– Здрасьте. – чуть приподнявшись, кивнула «конским хвостом» лейтенант Лядова.

– Ох, ты, ё-маё... извините, барышня, за каламбур-с, – поклонился ей следователь. – Так вот! На понт я его взял, Андрюша! Спрашиваю, мол, где, чего, кого подозреваете, что видели? А он мне блеет, мол, ничего, никого и ваще. – блатным тоном начал объяснять следак.

– Конкретней, Володь, – попросил я, понимая, что присутствие дамы только ещё больше распаляет нашего «пинкертона».

– Ну, я ж по порядку. Так вот я ему так небрежно, мол, есть сведения, что это заказуха чистой воды. Конкретно вас порешить хотели. Смотрю: побледнел наш терпила, пузыри начал пускать. Лежит, глазками хлопает, маску кислородную жуёт...

– Володь.

– Короче! С игры возвращался наш господин Сажин Сергей Трофимович. И не пустой. В выигрыше был. Хороший кабанчик был на кармане. Говорит, что никогда барсеток, чемоданов, портфелей не носит. У него пиджак специальный с глубокими внутренними карманами на молниях и липучках. Бросаешь рублик в карманчик, а он как будто в бездну проваливается. А тут всё нашли и вытащили. Но уже с обездвиженного тела.

– Не томи уже. Сколько взяли? – поинтересовался Алик.

– Да не так, чтобы уж. В «мёртвых американских президентах» двенадцать тысяч семьсот, в европейских деньгах – десять с половиной тысяч, ну и в российских деньжищах миллион двести семьдесят пять тысяч девятьсот пятьдесят рубликов, – заглянув в записную книжку, торжественно зачитал Корнев.

– Ни... ёб... во бл... – пронёсся громкий шёпот, от которого шевелились волосы.

– Господа офицеры! – напомнил о присутствии слабого пола Алик.

– Но и это не всё, господа обладатели пытливых умов, мои любознательные коллеги. Для того чтобы поднять на должный уровень свой внешний статус, господин Сажин надел на свои толстые пальцы две «гайки» с брюликами общей стоимостью шестьсот пятьдесят тысяч рублей, цепочку золотую весом сорок граммов неустановленной стоимости, а также дорогие часы швейцарского бренда «Tissot». Причём клиент просил непременно найти часы, так как они «счастливые». Три раза он ставил их на кон, когда заканчивались деньги, и три раза выигрывал. Часы, с его слов, недорогие. Всего двести двадцать тысяч по сегодняшнему прайсу. На этом арифметика закончилась, – закрывая записную книжку, поведал Корнев. – Подозреваемых у него нет, но обещал подумать. Разлучил нас врач и просил завтра прийти после одиннадцати, а сегодня перестать морочить ему и пациенту яй... простите, голову.

– Дополнения, вопросы, замечания? – на всякий случай спросил я, с тоской посматривая на опускающиеся сумерки за окном и мысленно считая оставшиеся яйца в дверке моего холодильника.

– Есть. – послышался непривычный в нашей берлоге женский голос. – Я тут посчитала. Всего у потерпевшего похищено наличных денег (в переводе по текущему курсу Нацбанка) и ювелирных изделий (из расчёта сегодняшней стоимости одного грамма золота 585 пробы – 2623 рубля) на сумму 3 580 900 рублей. Извините, копейки не считала, – скромно закончила Лядова, медленно садясь на своё место.

Пожалуй, эти несколько предложений произвели на присутствующих такое впечатление, что, казалось, всё вышеперечисленное было украдено у нас. Лично! Захотелось срочно найти обидчика и наказать мерзавца. Публично!

– Спасибо, Лядова, за дополнение, – кивнул головой я, невольно осматривая поверхность её стола.

Кроме пыльных папок со старыми делами и черновыми журналами, там ничего не было. «В уме», – с восхищением подумал я, набросив Лядовой ещё пару очков в её пока ещё пустую «копилку» достоинств.

– Короче, «возбуждился» я по 161-й части третей и по 30-й, – хлопнул по столу своим выдавшим виды портфелем следователь Корнев, давая понять, что предварительное следствие в надёжных руках. – А стажёрка ваша, смотрю, активная такая. Вам, барышня, в аналитический отдел нужно проситься, а не к этим... – сочувственно посмотрев на Лядову, изрёк следователь. – Я завтра к одиннадцати буду в больничке. Подгребайте, Андрей Васильевич.

Пожав, прощаясь, по старшинству руки, Владимир Руфатович вышел в темноту уже пустого коридора.

– Алик, подбрось, братан! – взмолился Дрозд, надеясь, что когда девушка увидит, что его привезли на шикарной машине, то немедленно простит его, подлеца, за опоздание.

– Извини, друг, жена уже третью эсэмэску сбросила, ждёт у торгового центра с неподъёмными сумками, – развёл руками Алик. – На северо-запад мне срочно нужно.

– Ванька, на меня не смотри, – закрывая свой сейф, пробурчал Чегевара. – Мне ещё Варьку из продлёнки забирать по пробкам.

– Вань, я могу, если ты не против, – понимая, что очередь до неё не дойдёт, неожиданно предложила Лядова.

– Да не против, – немного смутившись, ответил Иван. – Я готов, в принципе. Шеф, мы свободны?

– Да. Сбор здесь. Расход! Арамян, передавай привет Джонику. Лядова, завтра жду тебя в брюках, – улыбнулся я, глядя, как лейтенант семенит на выход, наступая на свои ядовитого цвета шнурки. «Походка гейши», – почему-то пришло на ум.

Первым со словами: «Твою ж...» – за входной дверью скрылся Алик, побежав в ИВС вытаскивать карманника Джоника, который всё ещё там сидел уже незаконно лишних шесть часов.

Воришку вроде поймали в момент совершения кражи, но свидетели куда-то разбежались. И с доказательной базой было совсем тухло. Понедельник оказался не то чтобы тяжёлым, но каким-то суетливым. В супермаркет ехать не хотелось. Представил себе гремящие тележками очереди на кассах, рёв детей, которым опять что-то не купили, мрачные лица кассирш и забитую машинами автостоянку. Брр! Возле дома есть небольшой гастрономчик, который держит «москвич» Рустам Джафаров. Он же директор, товаровед, продавец, кассир, грузчик и нарушитель всех мыслимых и немыслимых законов торговли в одном лице. Правда, его жена и трое детей крутятся тут же. Год назад я «нечаянно» выгнал из его магазина «крышевиков», пообещав прострелить кому-нибудь ногу. А потом отбил Рустама у борзых налоговиков, внаглую требующих мзду. С тех пор я стал братом, лучшим другом, желанным гостем и почётным покупателем в этом раю просроченных продуктов. Конечно, я платил за всё, что покупал. Но в отличие от остальных, меня никогда не обвешивали, советовали, что лучше и свежее, и всегда честно давали сдачу. На площади в шестьдесят квадратных метров продавалось всё, что может представить себе пытливый ум полицейского майора. От зубочисток и презервативов до азербайджанского портвейна и французского шампанского. Ну, последнего нам с Боцманом не надо. А вот колбаски «Любительской», сырка «Российского», хлеба «Бородинского» и пару десятков яиц будьте добры, господин Джафаров, в пакетик положите. Пиво свежее завезли? Давайте бутылочку. Нет, пожалуй, пару.

Хрустящий борщ

Поставив «барсика» недалеко от подъезда... Так. Внесём ясность. Боцман – это мой кот. Барсик – это моя машина. Её так назвала лет пять назад моя бывшая, тогда ещё остроумная, жена. А на самом деле это гордость японского автопрома Mitsubishi Pajero (Мицубиши Паджеро). А не жирно ли для полицейского майора – Спросите вы? Когда он вышел с конвейера, весь такой сияющий новизной, весь такой недосягаемый, мне только исполнилось 15, как моему сыну сейчас. Так что не жирно! «Барсик» дымит на низких оборотах, гремит поршнями на высоких, в салоне пованивает соляжкой, и ему чуждо слово «кондиционер». Зато в городском потоке его уважают «Лада Калина» и от него шарахаются всякие там холёные «мерседесы» и пижонские «БМВ».

Опять не работал этот чёртов лифт, и я, позвякивая содержимым пакета, плёлся на свой шестой этаж. Обогнав меня, перепрыгивая через две ступеньки, вверх пронесли пацаны-близнецы с девятого. И это всё с тяжеленными рюкзаками на плечах. Значит, вторая смена в школе закончилась.

– Здра... дя... Андрюш. – нестройным дуэтом крикнули одноклассники на бегу.

– Здра... ..цаны, – ответил я, отдышавшись.

Сверху, глухо ворча на своего неторопливого хозяина, спускался питбуль Тимон. На площадке пятого этажа встретились. Тимон приветливо боднул меня своей здоровенной башкой и лизнул руку. Кореш!

– Здорово, мужики! – поздоровался я с обоими соседями и погладил одного из них.

Уже поднявшись на свой шестой, я почувствовал еле уловимый запах чего-то съестного. «Нормальные люди приготовили нормальный ужин. Сидят, неторопливоковыряются в тарелках, а я...» – невесело подумалось на голодный желудок. Щёлкнул замок, толкнул коленкой дверь и подумал: «Девчонки свет забыли вырубить...» И тут...

– Ура! Наш Андрюша с работы пришёл! – заверещал высокий детский голос из глубины моей квартиры.

Зашлёпали по ламинату босые ножки, испуганно мяукнул попавшийся на дороге кот, и на финишную прямую прихожей выбежала одетая в пёструю пижаму Женька. Она бежала на меня с искренне счастливым лицом, радостно махая от возбуждения ручками, похожая на маленькую птичку, ещё не умеющую летать. Я инстинктивно присел, и она, подпрыгнув, повисла у меня на шее, чмокнула в щёку, прижалась ко мне своим маленьким худеньким тельцем и быстро-быстро зашептала прямо в ухо:

– Мы тебя ждали, ждали, ждали, ждали... а ты всё работаешь и работаешь.

Я стоял и молчал, как баран. Прижав к себе этого детёныша, слегка покачивался и чувствовал, как мурашки забегали по всему моему телу от её горячего шёпота в ухо: «...мы тебя ждали, ждали». Открылась дверь на кухню, выпуская порцию съедобных запахов. На пороге с полотенцем на плече и немного растерянной улыбкой стояла Ксения. Вся какая-то домашняя и, главное, в моих тапочках. «Интересно. А ведь я сегодня весь день о них думал», – пронеслось в голове. Конечно, не о тапочках.

– Привет. Ты извини... я объясню всё. Кушать хочешь? Ужин готов, мой руки, – как-то уж очень по-домашнему сказала Ксюша и, отодрав от меня Женьку и пакет с пивом, вернулась на кухню.

Руки я мыл долго. Думал. Что это? Интервенция? Захват московской недвижимости со всеми вытекающими, используя запрещённые методы? Я, конечно, Женьку имею в виду. Девочки, не надо из меня верёвки... Сейчас узнаем всё. Боже, как есть хочется! Наверное, весь свой маникюр в ужин покрошила!

Женька уже сидела за столом и, болтая ногами, уплетала бутерброд с «любительской» колбаской на «бородинском» хлебе, которые я принёс.

– Андрюша, ты возле меня, – распорядился ребёнок, показывая на стул рядом с собой.

– Ну, уж не знаю, как получилось. Приятного аппетита, – сказала Ксюша, ставя передо мной глубокую тарелку с жидкостью ярко-красного цвета.

– А? – попытался поинтересоваться я.

– Борщ, – убеждённая в своей правоте ответила Ксения.

Первые две минуты ели молча. Первой пытки молчанием не выдержала Женька:

– Прикольно. А разве капуста в борще должна хрустеть? А, мам?

Мы с Ксенией сначала оба посмотрели на хрустящую капустой Женьку, а потом друг на друга. Ксения привстала, взяла с подоконника книгу с названием «Кулинария для начинающих» и, прижав её к груди, как икону, нервно ответила:

– Я всё, как тут написано, делала. Можете проверить. Это, наверное, сорт капусты такой.

– Да ну, что ты! Сырую капусту можно и так есть. Главное – чтобы мясо сырым не было, – подозрительно пошевелив кость в своей тарелке, попытался всех успокоить я.

– Прикольно. – вылавливая из своей тарелки только капусту и хрустя ей, как кролик, продолжала издеваться Женька.

– Ешьте второе, – торжественно сказала Ксения, меняя кастрюлю с борщом на кастрюлю с варёной картошкой.

Вот скажите мне. Можно испортить варёную картошку? Можно? Так вот! Она её и не испортила. Классная получилась картошечка. Тем более что к ней были и.

– Фрикадельки? – догадался я.

– Нет.

– Тефтельки? – понимая, что мои кулинарные познания истощаются, пытался угадать я.

– Это котлетки такие, – пояснила мне новоиспечённая хозяйка, – только не жареные, а на пару. У Женьки с желудком небольшие проблемы, поэтому и.

– Отлично! Диета ещё никому не мешала, – кивнул головой я, посолив и поперчив произведение кулинарного искусства.

– Тебе вкусно было, Андрюша? – забравшись после ужина ко мне на коленки, спросила сонная Женька.

– Очень, – честно ответил я, наблюдая, как её мамаша, стоя к нам спиной в коротеньком халатике, в огромных синих резиновых перчатках энергично гремит посудой в мойке. Ничего так (это не о посуде).

– Теперь всегда так будет, – зевнув, сказал ребёнок и положил свою кудрявую головку мне на плечо.

– О, да ты совсем варёная. Ксюша, я отнесу Жеку на кровать, – предупредил я мамашу.

– Ага... переодеть не нужно, она уже в пижамке. Справа положи. – ответила Ксения.

Нет, я не пропустил мимо ушей Женькино сонное «теперь всегда так будет». Впрочем, меня это не насторожило, не поставило в тупик и не рассмешило. Тут как раз мне всё было ясно и понятно. Ребёнку надоело странствовать по чужим углам, перемещаться не в своём пространстве. Ей хочется своего, постоянного и любимого. Дети – эгоисты. Моя мама, мой папа, мой дом, мои комната и кровать, мои игрушки. И когда из этой цепочки выпадает одно звено, детский мир рушится. И, если взрослые этого не понимают, ребёнок начинает пытаться восстановить этот нужный ему мир сам. А для начала он (ребёнок) его придумывает.

Поймал себя на мысли, что мне нравится смотреть, как гостья из Ярославля суетится возле мойки, хлопает дверкой холодильника, позвякивает посудой, аккуратно расставляя её в сушилке. Как «подпрыгивает» и красиво облегает её тело домашний халатик, когда она нагибается или становится на цыпочки, реалистично демонстрируя причину, из-за которой китайцы изобрели шёлк. Невольно попытался вспомнить, смотрел ли я, как моет посуду моя первая?

Нет, не помню... Может быть, Ирине не хватало «крылышек ангела» под тонким халатиком? Моя квартирантка в очередной раз открыла холодильник и достала бутылочку пива. Потом, встав на цыпочки, безошибочно открыла именно ту дверцу шкафчика, за которой стоял пивной бокал. Поставив его передо мной, она открыла запотевшую бутылку и очень правильно налила в бокал пиво. «Пока без замечаний», – улыбнувшись, подумал я, внимательно наблюдая за Ксюшей.

– А ты? – спросил я, пододвигая чайную кружку.

– Я не хочу. У меня завтра первая тренировка, нужно быть в форме, – пояснила присутствие одного бокала Ксения.

– Ну и... слушаю, – честное слово, не хотел, но получилось как начало допроса.

– Ну, что? Приезжаем, а Лильки нет. По поводу нас она, конечно, администратора предупредила, но ни аванса не оставила, ни по поводу жилья не распорядилась. Красотка, оказывается, в Питер на выходные с другом укатила, а потом решила и понедельник прихватить. Видно, понравилось. Позвонила ей, поболтали. Сам понимаешь, ссориться с ней мне не с руки. Вот и решили... по старой памяти, – объяснила Ксюша своё возвращение на мою жилплощадь.

– Нормально. А как в квартиру попали? – помня, что просил захлопнуть дверь, спросил я.

– А... Так, Андрей, у тебя же второй комплект на гвоздике. Мы, когда уходили... я смотрю: ключи. Попробовала, – они. Ты не думай, я их на место повесила. И завтра мы первые уйдём. Или ты думаешь, что я дубликат сделала? – с обидой в голосе спросила Ксения.

– Серьёзно? – давая понять, что ни фиги не верю в эти случайности, спросил я, облизывая пивную пену с губ.

– Ну знала я, знала, что Лильки не будет. И ключ на гвоздике ещё вчера увидела. Преступление, да? Мешаем тебе? Скажи, и мы уйдём, – громким шёпотом заявила интриганка в шелковом халатике и, встряхнув кудряшками, вскочила с кухонного стула.

Ну, вскочила и вскочила. Я продолжал молча наслаждаться холодным пивом под возбуждённый бред Андрея Малахова в телевизоре. А по другую сторону кухонного стола стояла Ксения, гордо скрестив руки на груди, глядя в окно на переливающиеся вдалеке огни Останкинской башни.

– Нужно было рыбной нарезки купить у басмача Рустама. Да, Ботман? – сказал я, обращаясь к своему коту, на всякий случай сидящему у моих ног.

Не дождавшись от меня слов типа: «вон из моего дома... покиньте помещение... освободите мою жилплощадь.», Ксения опять присела на стул и, тяжело вздохнув, тихо сказала:

– Ну, прости.

– Было бы правильно и честно, если бы ты просто позвонила, и спросила разрешения. Визитку свою я тебе оставил, – спокойным тоном произнёс взрослый мужчина.

– Андрей, я хотела... Это Женька всё... Давай сюрприз... давай сюрприз! Придёт, а мы дома. Типа, вот увидишь, как обрадуется. А я дура. – опустив голову, виновато объяснила мама ребёнка.

– Ладно, проехали. Кстати, спасибо за ужин. Если честно, было приятно, – улыбнулся я, решив до конца быть честным... в смысле не врать, что было вкусно.

– Ой, да я недавно сама готовить начала, – оживилась, благодарно улыбнувшись, Ксения. – У меня мама чудеса на кухне творит. Творила. Но мне нравится всё это... я научусь обязательно.

– Завтра мне с утра в сторону Химок нужно, могу подвезти, – предложил я.

– Да мы свой чемодан в фитнес-центре оставили, так что налегке, можешь не беспокоиться, сами доберёмся, – ответила Ксюша. – А, поняла! Ты хочешь убедиться, что мы и правда свалили отсюда?

– Ну да! Мы с Боцманом и карманы ваши на прощание обшарим. Ладно, ещё раз спасибо. Завтра буду доедать твой хрустящий борщ, – улыбнулся я, тихо радуясь, что второй день не мою после себя посуду.

– На здоровье, хозяин, – сложив вместе ладошки, поклонилась Ксюша. – Кстати, на завтрак яичница с колбаской. Яйца наши, колбаса твоя, – уже выходя из кухни, уточнила расклад по совместному питанию исполняя обязанности домохозяйки.

– Хорошо, что не наоборот, – чуть слышно пробубнил я.

– Что ты сказал? – обернулась, входя в спальню, Ксения.

– Спокойной ночи, говорю, – не стал уточнять я, выключая свет.

Понедельник закончился. Впереди ещё одна ночь с незнакомыми мне людьми в моей спальне. Прикольно, как сказал бы мой сын Федька. Вот так живёшь, живёшь, а тут... Бац! А как воспринимать все эти жизненные изменения, порой и не знаешь. Ведь хорошо же жил до сих пор без этих двух! Ну, хорошо же! И тут появляются, повиснув на моей шее. И ещё с этим... с чемоданом! «Мы вам не помешали?» А вот и помешали. Нам с Боцманом и так замечательно живётся. Хотя. Эта малая такая вредная! «Андрюша, мы так тебя ждали.» Липучка такая, всё время в глаза заглядывает. И мамаша её. Каратистка, блин... тхэквандистка... или как там? Ангел на шпильках! И смешной борщ с хрустящей капустой, хотя тефтели... или как их там. Это, знаете, вот когда вы пьёте всё время чёрный кофе без сахара. Пьёте, пьёте... год, два. И все знают: он пьёт чёрный, без сахара! А тут – раз – и по ошибке вам в чашку с чёрным кофе молока плеснули и ложечку сахара положили. А отказываться неудобно. Ну, вы пьёте, морщитесь. Один глоток, второй. А ничего. Вкусно, чёрт возьми! Вот так и у меня получилось.

Ночью приснился почти семейный завтрак. Пью кофе, а он почему-то на зубах хрустит и чесноком пахнет. А, тут Женька тычет вилкой в яичницу и у Ксении спрашивает тоненьким голоском:

– Мама, а у тебя яйца Андрюшины или магазинные?

Пока ехали в фитнес-центр в Химки, мы с Ксенией в основном молчали. Зато не умолкала Женька:

– Андрюша, это ты меня вчера в спальню уволок? – почти сердито спросил ребёнок.

– Ну, не уволок. Ты почти уснула у меня на руках, и я тебя отнёс, – извиняющимся тоном ответил я.

– Мы с тобой, Андрюшечка, так не договаривались! Ничего не успели сделать. Играть не играли, читать не читали. Я тебе даже про нашу новую работу ничего не рассказала. И что теперь делать, по-твоему? – насупив бровки, спросила Женька.

– Ну, как-нибудь... – начал было фантазировать я, глядя на светофор на перекрёстке.

– Не как-нибудь, а сегодня. Пожалуйста, пораньше приди. А то приходишь, когда детям. – начала строить планы маленькая интриганка.

– Женя, не отвлекай дядю Андрюшу. Мы сегодня будем ночевать в другом месте, я тебе уже говорила. – попыталась отвлечь дочку Ксения, взывая к детской памяти и совести.

– А ты приходишь, когда детям уже спать пора ложится. А я без тебя не хочу, – продолжала отчитывать меня Женька, стоя сзади моего кресла в машине, – так что придётся сегодня всё начинать сначала, – талдычила прямо в ухо маленькая вредина, обнимая своими ручками меня за шею.

К фитнес-центру, несмотря на пробки, подъехали вовремя. Провожая девчонок, на прощанье сказал:

– Звони... если что...

– Ты тоже, – улыбнулась Ксюша.

– А...

– На кухне, на салфетке, – поняв, ответила девушка.

Женька повисла у меня на шее и быстро-быстро зашептала на ухо:

– А знаешь, какие моя мама блинчики умеет жарить. Все пальчики оближешь! И свои, и мои, и мамины! Веришь?

– Верю! – ответил я, засмеявшись.

На прощанье Женька ткнула своим носом мне в щёку, ухватила за мамину руку и, подпрыгивая на одной ноге, поскакала туда, где уже гремели железные блины и начинали потеть мускулистые дяденьки.

– Женья!

– А!

– Мне не нравится, что ты дядю Андрея называешь Андрюшей.

– Ладно... буду называть его папой Андрюшей.

– Женька!

– Ксюша..

Закидоны следователя Корнева

При въезде на территорию районной больнички меня тормознул «секюрити». Во всяком случае так было написано на кармане его куртки русскими буквами. Такой неряшливый пожилой дядька в лняной униформе с безразличным выражением лица. Но, увидев моё удостоверение, выпрямился, поджал живот и отдал честь. Видно, из бывших...

– Ваши уже здесь, – доверительным тоном доложил он.

И правда, недалеко от корпуса хирургического отделения стоял белый «жигулёнок» из нашего Новокузнецкого ОВД. «Раньше приехал, чертяка», – поняв, что это Руфатыч, подумал я. И уже в вестибюле медицинского учреждения услышал бодрый голос:

– Андрей Васильевич, а по стаканчику?

У кофейного автомата, помешивая пластмассовой палочкой в пластмассовом же стаканчике что-то тёмно-коричневое, стоял, приветливо улыбаясь, следователь Корнев. Зачерпнув со дна кармана мелочь, я отдал её автомату и ткнул в третью кнопку сверху.

– Андрюш, я вот что придумал. Сажа по честному разговаривать не будет, но мужик он трусливый, и предлагаю этим воспользоваться. Короче, играем так.

И дальше Руфатыч изложил мне свой не совсем законный и с точки морали этичный, но хитроумный, и имеющий большие перспективы на успех план действий.

* * *

Прооперированного Сажина уже перевели в обычную палату для выздоравливающих, и после утреннего осмотра лечащий врач, Михал Иванович, сказал дежурной медсестре, по-отечески поправляя лацкан халата на её грандиозной груди:

– Людочка, ещё пару дней посмотрим, и этого на выписку.

– Как – на выписку, доктор? Мне ж только вчера... у меня и швы, и вот... трубка из меня торчит, – попробовал возмущаться Сажин, уплетая больничную манную кашу на завтрак.

– Шов чистый, состояние нормальное. Всё лишнее из вас вытащим. Если хотите, я вам эту трубку... с собой заверну. На выписку, я сказал. Через недельку в процедурный сам придёшь, там тебе швы и снимут, – пробурчал сонный доктор и, с удовольствием заглянув Людочке в зону декольте, пошёл в соседнюю палату.

* * *

Помахав в воздухе удостоверениями, мы с Корневым настоятельно попросили соседей Сажина погулять по кафельным коридорам учреждения. Как будто что-то вспомнив, Руфатыч приоткрыл входную дверь в палату и громко сказал куда-то в тишину коридора:

– Лейтенант, подойдите. Докладывайте.

Повисла пауза, во время которой Руфатыч несколько раз недовольно качал головой, цыкал, тяжело вздыхал, настороженно смотрел в мою сторону, а потом вдруг провёл пальцем себе по горлу и тревожным голосом ответил:

– Понял вас, лейтенант. Ну, что ж, служба у нас такая!

Потом плотно прикрыл дверь и, противно визжа ножками стула по кафелю пола, подсел к постели Сажина. Всё это время я нервно прохаживался по палате, обречённо грызя яблоко, взятое с тумбочки потерпевшего. Надо сказать, кислятина неимоверная!

– Ну что, Сажин? Как здоровье? – участливо спросил Руфатыч.

– Да вот доктор сказал: через пару дней... – начал объяснять потерпевший.

– Пережить бы эти пару дней, – тревожно посмотрев в мою сторону, перебил Сажина следователь.

– Да... – громко хрустнул яблоком я.

– Что значит «пережить бы», а? Вы о чём, гражданин следователь? – привстал на локтях прооперированный.

– Мне вот тут только что доложили... не знаю, как вам. Короче, была попытка вашего устранения. Здесь, в больнице. Пресекли, слава богу, – открыл служебную тайну Руфатыч, честно посмотрев в глаза Сажину.

– То есть как? – открыв от изумления рот, крайне изумился потерпевший.

– А вот так, Сажин. Мы вот вас охраняем. Наши парни жизнями своими рискуют, а вы следствие пытаетесь увести по ложному следу, – строго упрекнул Сажина Корнев, – молчите, путаетесь в показаниях. А ведь в следующий раз вам так может и не повезти, Сажин.

– Владимир Руфатович, – решил вступить в игру я, – разрешите я людей с охраны объекта сниму? Нам и так личного состава не хватает, а тут товарищ кочевряжится.

– Как, то есть, «сниму»? Не надо снимать личный состав... ваш... И ничего я не... Товарищ следователь, я согласен сотрудничать, – встрепенулся под простынёй Сажин. – Записывайте, хотя я мало чего... но всё, что знаю...

– Ну не знаю, Сажин, – с сомнением в голосе ответил Корнев, доставая из своего портфеля бланки допроса.

– Я предлагаю охрану с внешнего периметра снять, а, так сказать, соседа оставить, – кивнув на соседнюю кровать, порекомендовал я начальнику.

– А что, мой сосед... – открыл рот в изумлении Сажин.

– Да, наш сотрудник. Лично вас охраняет. Глубоко законспирированный, можно сказать... Ладно, гражданин Сажин, приступим, – приготовился слушать Руфатыч, а я включил диктофон.

– Так, а что. Неделю назад приходит ко мне Кубик. – начал свой рассказ Сажин.

– Господин Кубинян, – уточнил Руфатыч.

– Да. Приходит и говорит, что у нас на районе появились каталы борзые...

– Игроки на деньги. – перевёл Руфатыч.

– Да. То ли молдаване, то ли цыгане... но катают так себе, беспонтово. В основном выставляют дилетантов и любителей при деньгах. Снимают частные хаты, дачи. У них, видно, свои информаторы есть приплаченные. Ну и щиплют помаленьку народ. А вобщак-то не отстёгивают, суки. Вот Кубик и говорит, мол, давай уродов накажем. Разденем до нитки, а чтобы обратки не было, сдадим их местным решалам, а те их додоят, – излагал свой коварный план Сажа.

– Решил с заезжими игроками сыграть. – повторил Руфатыч, записывая показания.

– Кубик предложил расчехлить их в два этапа. – продолжил Сажин.

– Ранее судимый, Кубинян Артур Самвелович, предложил. – поправляя очки, записывал Корнев.

– Да. Предложил для начала дать этим лохам даже выиграть немного, чтобы бдительность усыпить. А потом якобы психануть и согласиться сыграть по-крупному, чтобы они по максимуму с собой бабок привезли. В конце первой игры я как бы облажался и поставил на кон фамильный перстень небывалой ценности. Пацаны наживку заглотили и перстень выиграли. Как они радовались, уроды. – упивался своей хитростью жулик Сажа.

– А катали где? – как бы между прочим спросил я.

Сажин замялся, но потом, поняв, что «коготок уже увяз», продолжил:

– Играли в кинотеатре «Протон».

– На задних рядах во время последнего сеанса? – попробовал догадаться я.

– Кинотеатр старый, а в таких заведениях всегда есть помещение художника, где он рисовал афиши. Художника давно нет, а один предприниматель, так сказать, за копейки арендует эту хату под склад. Отдельный вход, дверь бронированная, удобства провёл, ремонт хороший сделал. За ночь аренды и обеспечение охраны брал по-божески... – пояснил Сажин.

– Фамилия, адрес. – не поднимая головы от протокола, поинтересовался Руфатыч.

– Кубинян Артур Самвелович, – после небольшой паузы ответил Сажа. – Кстати, он и предложил этим чертям встретиться ещё раз, чтобы наш перстень отыграть. А я как бы распсиховался, стакан с виски в стену швырнул и сказал, что больше не хочу по мелочи катать. Предложил ставки по-взрослому, они и повелись. Лопотали что-то по-своему, а потом тот, который с бородкой, предложил катать на их территории. Якобы они хату классную сняли, но охранника нам разрешили своего взять.

– Адрес, кто такой охранник? – оживился Руфатыч.

– Улица Пионера Волкова, номер дома не помню, ночью ехали. Визуально могу показать. Хата на первом этаже. Я там первый раз был. А охранника Костиком зовут. Это всё. Костик – человек Кубика, он про него всё знает, – ответил Сажа. – Здоровый такой... усы, брюнет, по-моему.

– Дальше давай, – понимая, что соседям по палате Сажина давно нужно быть на своих местах, поторопил я.

– А что дальше? Раскатали мы их за три часа. Костик мне такси вызвал, я свою долю забрал и уехал. А Кубик остался с этими лохами бандосов ждать, – улыбаясь, ответил Сажа.

– И что? Они вот так сидели и ждали? – удивился многоопытный Руфатыч.

– А куда им деваться, Владимир Руфатович? У Костика в каждой руке по стволу, а Кубик у них только ножи из карманов повынимал. Сидели себе в туалете запертые. Я ж говорю: лохи! – убеждал слушателей Сажа. – А что было дальше, я не знаю. Уехал я.

– Лучше б ты остался, – ехидно ответил Руфатыч, кивнув на торчащую из бока Сажи прозрачную трубку.

– Это да, – сделал страдальческое лицо потерпевший.

– Не спи, Сажа! Дальше что было? – интеллигентно спросил я.

– Дальше мало что помню. В туалет сильно захотелось... вот что помню. Попросил таксёра остановиться. Он тормознул возле входа в парк, там фонарь не работает. Удобно, в общем. Только ширинку расстегнул, а он меня битой бейсбольной по башке – хрясь! Ну и вдребезги – в смысле бита. Видно, бракованная. Чувствую, сознание теряю, плохо как-то. Оборачиваюсь: а это, сука, таксист! Стоит охреневший, то на меня, то на поломанную битку смотрит. Потом из кармана кастет достаёт – и на меня. Ударил. Больно. Я ему: «Тварь! Тебя воры на ножи поставят!» А он мне: «А ты уже на нём!» И чувствую: в левую бочину мне перо загоняет. Тут у меня всё поплыло. – всхлипнул Сажа, отвернувшись к стенке.

– Таксиста видел раньше? Марка, номер машины? – оживился Руфатыч.

– Нет. Машина... «Вольво» старая. Седан. Черная, а может, тёмно-синяя. Салон такой обшарпанный. Я там ещё подумал, что Костик в этот раз за такую тачку хрен от меня чаевые получит. Он обычно развозом занимался. А, да... на ручке переключения передач такая самодельная головка с красной розой в середине, – тяжело вздыхая, ответил Сажа. – А таксист... таксист всё покашливал. Едет и так кхе-кхе... кхе-кхе... И рот платком прикрывает. Спрашиваю, мол, болеете? Сказал, что пива холодного выпил... Ну и всё. Я ж говорю, темно было, около трёх ночи.

– Удивительно, что этот, так сказать, таксист всего один раз тебя ножом ударил. Убивать не хотел? И нож у тебя в брюхе оставил. – задумчиво произнёс Руфатыч, почёсывая шариковой ручкой свой загривок.

– Так я ж его по инерции за руку схватил. А он худой такой, хлипкий, – вспомнил Сажа. – Если б до его горла дотянулся. Вспомнил! Вспомнил, товарищи! По соседней улице «скорая»

с сиреной и маячками проехала, вот он и обделался... бросил меня. Наверное, подумал, что менты.

– Ну да, ну да... может, и испугался... Да и возни с тобой... Вон какая туша, – усмехнулся следователь. – На этом, пожалуй, закончим. Но ты, Сажин, не расслабляйся. Никто с тебя 171-ю, часть 2-ю не снимал, – давая подписывать протокол, добавил Корнев.

– Владимир Руфатович. – опять занял Сажин, – я ж по честноку!

Уже на выходе я придержал следователя и вполголоса, но так, чтобы слышал Сажин, спросил:

– Шеф, прикрытие снимаем?

Погружённый в свои мысли, Корнев, сразу не понял, о каком прикрытии идёт речь, но потом задумчиво посмотрел на пустую койку соседа Сажина и, досадливо махнув рукой, сказал:

– Оставь ещё на пару дней. Мало ли.

– До свидания... товарищи, – благодарно прошептал Сажин.

– До скорого, – сурово ответил я, выходя из палаты.

У двери уже давно топтались одетые в мягкие больничные халаты оба соседа Сажи. Надо сказать, по поводу боевого охранения Руфатыч перефантазировал. Обоим дядькам было за шестьдесят. Один лежал после операции аппендицита, а второй ждал своей очереди на удаление грыжи. Агенты... рискуя жизнью... прикрытие...

– Короче, здоровья вам, мужики! – вполголоса сказал я на выходе, заговорщицки подмигнув Сажину.

Владимир Руфатыч изъявил желание ехать на базу на японском внедорожнике, поэтому сержант-водитель ехал на своих «жигулях» впереди нас, разгоняя честных обывателей гнусным звуком сирены, как машина сопровождения.

– Ну, что? – решил подвести итоги допроса потерпевшего следователь Корнев. – Определимся, что у нас в сухом остатке? Обозначим основные направления, так сказать?

Всю дорогу до Новокузнецкого отдела Руфатыч разговаривал сам с собой. Помню, как я по молодости цепенел от этого театра одного актёра. Но ему было нескучно. Он спорил сам с собой, соглашался со своими доводами и тут же опровергал их, вслух перечитывал протокол допроса, звонко хлопал себя ладонью по лбу, и с криком: «Забыли!» – начинал выстраивать линию следствия заново.

Все эти его закидоны я давно знал, привык к ним и не мешал следоку доказывать самому себе, что он недооценённый гений современного сыска. Где-то он был прав. Корнева на руках не носили, хотя «висяков» за ним числилось не больше, чем у других. Просто Володя был какой-то не такой. Не внушительный, что ли. Стычек с начальством избегал, даже если был прав, больших высот в карьере не достиг и даже форму носить стеснялся.

По дороге в телефонном режиме выяснил, где у нас кто. Дроздов с утра бегал по старым делам и теперь на общественном транспорте возвращался на базу. Он, сволочь, так и говорил: на о-б-щ-е-с-т-в-е-н-н-о-м т-р-а-н-с-п-о-р-т-е! Это чтобы нам всем было его жалко. А не жалко, Ваня! Стыдно ездить на маршрутках целому старшему лейтенанту при папе – директоре хлебозавода. Но у нашего Вани был принцип – всего достичь самому, материальных ценностей в том числе. А какие могут быть материальные ценности у обычного опера из обычного ОВД, хоть и Москвы?

Арамян потел в допросной вместе с другим следователем. Они должны были сегодня закрыть одно резонансное дело по 111-й статье УК РФ. Неадекватный охранник ночного клуба очень сильно и с особой жестокостью отдубасил двух желторотых, но совершеннолетних посетителей вышеназванного уважаемого заведения. Здорово изуродованные посетители оказались тоже уважаемыми, так как были отпрысками ещё более уважаемых родителей. Суть была в том, что уважаемые отпрыски ещё более уважаемых родителей, будучи под кайфом, порезали

бритвой официантку, решительно отказавшую им в интимной услуге. И, как назло, несговорчивая официантка оказалась невестой этого самого изувера охранника. Вот он, «фашист», и приложился... к обоим. Многоуважаемые мамы и папы топали модельной обувью и фанатично присматривали эшафот понадежней для обидчика с большими кулаками. А наш Алик и следак по этому делу, по простоте своей душевной и с нашего общего одобрения, всячески старались сбить срок наказания по этой статье до минимума, непростительно сочувствуя бывшему разведчику десантно-штурмовой бригады ВДВ.

Половая неприкосновенность

А вот Чегевара и Лядова работали в «штабе». Заботясь о психическом состоянии своего зама, я позвонил и задал короткий вопрос:

– Что у вас?

Эрнесто мрачным голосом сообщил:

– Попытка изнасилования... потерпевшая у нас. Пишем.

Задавать лишние вопросы не стал, нога сама нажала на педаль акселератора. Убедив Корнева, что всё из того, что он по дороге говорил, мне понятно и что вечером встречаемся, я быстро поднялся на свой этаж. Черных сидел на своём месте и разговаривал с кем-то по телефону. Кивнув мне, он махнул в сторону моего кабинета, мол, иди к себе, я сейчас. Оглянувшись на звук зазвеневшей чайной ложки, я увидел Лядову, сутившуюся у «чайного» столика, и женщину, сидящую на диванчике с белым платком в руках. На вид ей было лет тридцать пять – сорок. Одета она была в светлую блузку, застёгнутую под горло, клетчатую юбку до колен и туфли на среднем каблуке. Голова была опущена, и очки в красивой оправе постоянно сползали по мокрому от слёз носу. И тогда женщина, шумно вздыхая и не поднимая головы, двигала их на привычное место указательным пальчиком. Руки были ухоженные, но без яркого, остро заточенного маникюра. И можно было предположить, что перед нами типичная представительница интеллигентной профессии. Ну, допустим, учитель, музыкант, экономист, медицинский работник...

Поздоровавшись и сделав условный знак Лядовой по поводу причитающейся мне чашке кофе, я нырнул в свой аппендикс. Через минуту ко мне зашёл Чегевара.

– Андрей, мы тут вроде как начали опрос, но, когда ты сказал, что подъезжаешь, я решил не мучить женщину одними и теми же вопросами, подождать тебя. Сейчас Светлана Ивановна её немного отвлечёт кипяточком... А то ни «тпру», ни «но»! Трусится вся, чётко сформулировать мысль не может. Похоже, есть состав, – негромко посвятил меня в ситуацию, товарищ Че. – А у вас с Корневым как дела?

– Да там есть версии. Вечером Корнев забежит, поделится. Дамочка заявление написала? – поинтересовался я.

– Я предлагаю сначала её послушать, а потом можно уже и заявление. – ставя передо мной чашку с дымящимся кофе, скромно сказала Лядова.

– За кофе спасибо, а вот предложения предлагать никто вас не просил, товарищ стажёр. Идите, успокаивайте гражданку, через пару минут начнём... – с удовольствием глядя, как меняется лицом наш стажёр, сказал я.

– Андрюх, ну ты чё? Деваха старается. – попытался защитить свою подопечную Чегевара.

– А вот когда твоя деваха из стажёра превратится в оперативника, тогда и будет предлагать. А то полчаса, как погоны надела и «я предлагаю...». Распредлагалась мне тут, – уже мирным тоном закончил я свою глубокую мысль.

Хлопнула входная дверь, и весёлый голос с чуть заметным восточным акцентом выдал, нескромно рассматривая сидящую на диване женщину:

– А почему личный состав нашего легендарного отделения ещё не знает, что у нас уже два стажёра? Товарищ Чегевара, это что за тайны мадридского двора, понимаешь?

– Арамян, зайди ко мне! – прервал я эту неуместную трель армянского горного воробья.

– Вай, наш повелитель уже здесь! Слушаю, мой господин, – расплылся в улыбке Алик, пытаюсь поделиться со всеми своим хорошим настроением.

– Присядь. Во-первых, эта женщина не стажёр, а потерпевшая по 131-й УК РФ и через минуту её рассказ испортит твоё настроение. А во-вторых, как дела по мажорам и охраннику?

– Я понял, шеф, виноват. По охраннику бара более-менее вырисовывается. Официантка подала иск по умышленному нанесению телесного, попытку насилия сексуального характера и нарушении сексуальной неприкосновенности. Справку о ранении сделали, свидетели тоже имеются. Эти черти черкнули её опасной бритвой по шее и руке. Адвокат предложил подписать досудебное соглашение. Так что на этот раз бабло не победило, – рассказал Арамян.

– Одобрям-с! Пошли, послушаем гражданочку, а то сейчас Корнев прийти должен, а там уже другое кино, – катапультируясь из своего кресла, сказал я.

Щёлкнул дверной замок, вошёл Дроздов со словами:

– Извините, я на общественном транспорте. Пробки-с, знаете ли.

Потом хотел было что-то ещё возмущённо сказать, но я молча показал на его место за столом.

– Прошу всех занять свои места и настроиться на работу, – негромко попросил я и, взяв от руки написанную табличку, повесил её на лицевой стороне двери.

Что было на табличке? А на табличке было написано: «Тихо! Работают мозгами!» Чуть ниже был красиво нарисован человеческий мозг, из которого шёл дым. Придумавший всё это Чегевара говорил, что мозг его. Срисовал с фото МРТ после крайней медкомиссии.

– Пожалуйста, представьтесь. А дальше расскажите, что вас к нам привело. Я понимаю, что дело ваше носит сведения сугубо интимного характера. Пусть это вас не смущает. В нашей практике мы сталкивались с подобными вещами. И наша с вами задача поймать преступника и показательно его осудить. Для расследования важны самые мелкие детали. Не спешите, вспомните, пожалуйста, все подробности. Мы на вашей стороне. Ближе, чем мы, союзников у вас сейчас нет. Поэтому, как бы ни было обидно, стыдно, больно, гадко... – стараясь как можно доверительнее обращаться с потерпевшей, настраивал её на откровенный разговор я.

Неожиданно зазвонил мой телефон с незнакомого номера:

– Извините, минуту! Чапаев, слушаю. – недовольно ответил я, отвернувшись к окну.

– Андрюша, привет! Ты меня узнал? – послышался детский голосок.

– Узнал, Женечка, узнал. Ты меня извини, детка. – старался побыстрее закончить разговор я, наблюдая, как дружно открыли рты мои мужики.

– А я целый день жду, жду, когда ты мне позвонишь. Мама сказала, что мы сегодня здесь ночуем, а ещё тут дядька к ней приставал. Волосатый такой. А я ему сказала, что всё папе расскажу, – скороговоркой выпалила Женька.

– Женя, я через часик тебя наберу, – быстро проговорил я, укоризненно глядя на товарища Че, расплывшегося в неуместной улыбке.

– А мы завтра уезжаем, – вдруг с обидой выпалила Женька и отключилась.

«Как завтра? Куда уезжаем? Какой такой волосатый дядька?» – пронеслось в голове, но, поставив свои мысли на паузу, я вежливо попросил гражданочку потерпевшую:

– Пожалуйста, мы готовы вас слушать. Слушать, а не есть, Дроздов! – И, показав кулак жующему оперу, кивнул женщине.

Продолжая терзать свой промокший от слёз платочек, женщина ещё раз тяжело вздохнула, мельком обвела взглядом присутствующих, как бы ища сочувствия и защиты, и начала свой рассказ:

– Меня зовут Сёмина Марина Петровна, мне тридцать два года («Ты смотри, как слёзы годы набрасывают», – подумал я). Работаю участковым врачом-терапевтом в районной поликлинике, но не в этом районе. Понимаете, проблемы у меня появились по здоровью... как бы вам... в общем, по-женски, – густо покраснев, запнулась женщина.

– Мы понимаем, Марина Петровна, продолжайте, – протягивая женщине чистый носовой платок, спокойно сказала Лядова.

– Я-то сама себе диагноз, собственно, поставила, но нужно было мнение и рекомендации специалиста, – благодарно кивнув Лядовой, продолжила Сёмина.

– А почему в своей поликлинике к гинекологу не обратились? – вдруг спросил дотошный Алик.

– Понимаете, не принято это у нас. Корпоративная этика, что ли. Все врачи стараются обращаться к специалистам в других медучреждениях, ну и, конечно, по рекомендациям, учитывая квалификацию и профессиональную подготовку. Собственно, в моём случае ничего серьёзного. Это не кожное и тем более не венерическое... так... воспаление... Но ясность для себя получить хотелось.

– Марина Петровна, а вы замужем? – спросил Черных.

– Нет. А это имеет значение? – опять покраснев, спросила Сёмина.

– Продолжайте, пожалуйста, – попросил я, не поняв, куда клонит Чегевара.

– Котова мне порекомендовала приятельница. Сказала, что раньше у него была практика в Подмоскowie, что его хвалят как специалиста с приличным стажем и опытом. А теперь вот в Новокузнецком районе работает в поликлинике. Ну, я ему позвонила, представилась, сказала, что по рекомендации знакомой. Он как про приятельницу услышал, так даже как будто оживился, спросил, сколько мне лет, семейное положение... Ну, в общем, назначил мне день, время...

– Извините, а подруга, порекомендовавшая вам этого Котова, тоже врач? – спросил Черных.

– Нет, она, скорее, моей мамы приятельница. По-моему, пенсионерка. А я ещё тогда у Котова спросила, мол, почему так поздно приём? В смысле в конце смены. Он ответил, что у него весь день расписан, а уделить мне минимум времени, вставляя между запланированными приёмами, неэтично и непрофессионально. Коллеги всё-таки. В общем, ничего подозрительного. Наоборот, даже приятно стало от его внимания, – всё более открыто излагала нам суть произошедшего Сёмина.

– А «в конце смены» – это во сколько? – что-то пометив у себя в блокноте, спросил Черных.

– Ну, смена у него до 20–00, а дальше... дальше на его усмотрение. Он попросил меня прийти в 20–20. Объяснил тем, что у него последняя по записи – сложная больная и ему нужно отдохнуть. Я согласилась, не в моём случае было возражать. В итоге принял он меня в 20–30. Это я уже потом поняла, что всё было сделано для того, чтобы в коридорах поликлиники людей стало меньше. Вы знаете, на первый взгляд такой приличный дядька... извините, мужчина. Где-то около пятидесяти, плотный такой, очки, борода... Улыбается, правда... видно, давно у стоматолога не был. Зубы жёлтые, как у нутрии... Поздоровались, я ему привет от Валентины Германовны передала...

– Это та, которая вас сосватала? – спросил, не удержавшись, Алик.

– Да, она. Пока я за ширмой раздевалась, он в журнале что-то писал. В общем, всё шло, как на обычном приёме.

– А сестра? На приёме должна была присутствовать медицинская сестра, – вставила свои «пять копеек» стажёр Светлана Ивановна Лядова и заработала «монетку» в свою копилочку.

– Да. Котов сразу сказал, что сестру отпустил ещё час назад, у неё дочка на продлёнке. И что придётся писаниной заниматься самому. Но предупредил меня, что пусть это будет нашим секретом, так как у них уходить раньше окончания смены запрещено. Я, конечно, согласилась, продлёнка... понятное дело. Спросил, нужно ли мне помочь с креслом? Я даже пошутила, что не надо, что уже взрослая девочка и умею это делать самостоятельно. Вы знаете, он даже со стула подскочил – так ему мой ответ понравился. Заулыбался так... гаденько, что ли... Ну, а потом началось. – опустив голову, всхлипнула женщина, закрыв лицо руками.

То, что случилось дальше, мы никак не ожидали. Откуда-то из глубины этого небольшого, худенького женского организма неожиданно раздался истошный душераздирающий крик. Даже не крик, а стон раненного в душу живого существа. Сёмина неожиданно упала

на колени, потом рухнула на пол, поджала к груди ноги, обхватила голову руками и громко зарыдала, сотрясаясь всем своим маленьким телом. Первой очнулась Лядова! Она, как кошка, перепрыгнула через свой стол, оттолкнула меня и схватила чайник с водой. Потом прямо из носика набрала в рот воды и, под напором тренированных лёгких, выдула её на голову и лицо бьющейся в истерике Сёминой. Так она повторяла ещё и ещё раз. Потом, крикнув Алику: «Чего застыл, джигит? Помоги!», они осторожно подняли и усадили женщину снова на диван.

Резко открылась входная дверь, в кабинет решительно протиснулся начальник уголовного розыска Вася Крепченко. Убедившись, что все целы и кровь под ногами не хлюпает, Вася бесшумно выругался, а вслух попросил:

– А можно потише? Мы у себя одного чёрта допрашиваем, а тут... Короче, обосрался клиент от крика из вашего кабинета! В санузел повели.

Я пообещал звукоизолировать двери и Васю мирно выпроводил. Оставив с Сёминой нашего стажёра, мы вышли в мой кабинет. Через минуту подошла Лядова и доложила:

– Андрей Васильевич, Сёмина отказывается рассказывать все обстоятельства при мужчинах категорически. Интимно всё. Понимаете?

– Ты скажи ей, что мы. – начал было закипать я.

– Товарищ майор! Она согласна всё рассказать только мне. Под протокол. Я и диктофон включу. Разрешите? Или будем несчастную бабу жизни учить? А я вам потом от третьего лица, так сказать. Поймите её, Андрей Васильевич, у неё же не кошелек украли. Тут тонко всё. Шеф, ну войдите в положение. – уговаривала меня Лядова.

– Не собираюсь даже... и тебе не советую. Войдите... Как скажет тоже! Ладно. Сделай ей кофе покрепче, что ли. И протокол пиши. Про заявление не забудь. Закончите, позвонишь. А мы пойдём, подышим и заодно Корнева послушаем, – принял я мудрое решение, увидев в окне сутулую фигуру следака.

И предложил личному составу отделения проследовать за мной, не задавая вопросов и не умничая. С Корневым разобрались быстро. Им уже был составлен фоторобот таксиста, орудующего кухонным ножом и бракованной бейсбольной битой. Составлено описание «цацек», похищенных у Сажи. Следовало установить личность и вызвать на допрос охранника Костика (с двумя стволами), а также поковыряться в памяти криминального напарника Сажи – Артура Самвеловича Кубиняна. Короче, работы на завтра всей группе хватало, не считая старых дел. А тут ещё Сёмина Марина Петровна... По второй сигарете выкурить не успели, лейтенант Лядова позвонила и корректно доложила:

– Товарищ майор, мы... я готова доложить. Только вот потерпевшая просит её отпустить. Устала она. Подвезти бы её.

– Согласен. Вызови такси, оно и подвезёт. Пусть протокол подпишет и повестку ей на завтра, на вторую половину дня выпиши. Мы идём уже, – ответил я и, подгоняя уставших за сегодняшний день оперов, молча побрёл в своё «гнездо». У дежурной части нас поджидал подполковник Зинченко. Кивнув мне головой, чтобы задержался, он вполголоса спросил:

– Чапаев, мне тут доложили... Вы что, женщину... пытали?

– Да всё нормально, Николай Сергеевич. Женщина не смогла сдержать эмоции. Просто истерика, – попытался объяснить я.

– Истерика?

– Просто истерика, – повторил я и пошёл догонять своих.

– Может быть, нужен психолог? – нерешительно спросил замначальника.

Ага, где его взять в это время суток? По дороге встретилась гражданка Сёмина. С лица и стёкол очков тщательно были смыты тушь, тени, тональная пудра и губная помада. Лядова постаралась. В коридоре расходились практически молча.

– До свидания...

– Берегите себя. До завтра.

Посередине нашего кабинета стояла лейтенант Лядова и озабоченно перебирала листы протокола. Всем уже хотелось как можно быстрее дослушать и рвануть по домам. Но сегодня всё было не так!

– Можно вас? – нерешительно поинтересовалась Лядова, вызвав своим вопросом кривые улыбочки коллег по совместной службе.

– Меня нельзя, Лядова. Тем более подчинённым, – решив изменить традиционный ответ («можно козу на возу.»), рявкнул я.

Неожиданно стажёр, фыркнув, крепенько так взяла меня за локоть и повела в сторону аппендикса. Там она, наконец, отпустив мою руку, тихо, но внятно сказала, шмякнув листами протокола о мой стол:

– Я при всех это докладываю тоже не буду. Хотите, читайте, если поймёте, о чём речь. Но я выйду. Могу только вам. Остальные пусть... уши заткнут, – упрямо выдала стажёр, полосуя моё интеллигентное лицо своим острым взглядом, в конце фразы перейдя на шёпот.

– Что за... буду – не буду? Вы где находитесь, лейтенант? Что там такого, что не может понять взрослый мужик, тем более мент? И почему мне можно, а остальным. – возмутился я, тоже переходя на шёпот.

– Да потому, что вы здесь самый старший и по возрасту, и по званию. Вот почему, – ответила, насупившись, лейтенант.

– Ага, значит, типа, как отцу родному... – попробовал пошутить я.

– Ну не отцу... но типа того, – согласилась Лядова.

Я решительно вышел в комнату оперов и, к радости подчинённых, объявил:

– Всем спасибо, все свободны. Продолжение следует! Я имею в виду, завтра никому не опаздывать. Дроздов, ты меня понял? Слушай, твоего же батю служебная машина возит. Чего ты на семейной на работу не приезжаешь?

– На батиной «тойоте» мама ездит... – недовольно ответил Дрозд, подмигнув Лядовой.

– Тогда женись на девчонке с машиной, – крикнул я и тоже подмигнул нашему стажёру.

Последнюю фразу я произносил уже под звук удаляющихся шагов. На моём столе, опережая моё желание, уже стояла кружка кофе. «Сейчас бы блинчиков», – пронеслось в голове Женькино обещание.

– Я с самого начала читать не буду. Начну с того момента... с истерики начну, в общем, – спрятав лицо за лист протокола, сказала Светлана. – «Врач-гинеколог Котов попросил меня максимально расслабиться, но относительно долго не производил никаких манипуляций. Сказал, что проводит визуализацию. Потом неожиданно стал массировать мне анус. На мой вопрос: «зачем?» он ответил, что это обычная методика расслабления мышц влагалища и малого таза. Потом он начал вводить мне во влагалище зеркало. Но я сразу почувствовала, что зеркало не моего размера.» Извините, Андрей. Васильевич, я сейчас... водички... – сказала Лядова и побежала к чайнику.

– А, что за зеркало? И почему другого размера? – ошалело спросил я. – А, Лядова?

– Я сейчас, – крикнула уже со своего места стажёр. – Читаю сноску из интернета: «Гинекологические зеркала могут отличаться размерами и формой. Тип используемого инструмента подбирается индивидуально для каждой пациентки. При этом обязательно учитывается ширина таза, ёмкость влагалища, возраст, наличие или отсутствие родовой деятельности». Если коротко, по зеркалам всё. Я вам фото этого инструмента на почту скинула. Посмотрите, пожалуйста.

Я тут же залез к себе на почту и посмотрел на этот диковинный инструмент, внешне абсолютно не имеющий ничего общего с обычным зеркалом. Какая-то бузука из фильмов про фантастику.

– Шеф! А можно я лучше отсюда поору? А то мне... нелов... стыдно, в общем, мне! – крикнула из своего кресла Лядова.

– Нет. Ты лучше подойди ближе к дверному проёму в мой кабинет, а то неизвестно, что подумают коллеги, услышав, о чём мы тут с тобой. – усмехнулся я.

– Тогда дальше... вот, – уже спокойней сказала лейтенант и положила передо мной протокол допроса гражданки Сёминой Марины Петровны. – Андрей Васильевич, читайте сами. Мне дальше... за гланды! – буркнула Лядова и спряталась, опустив голову за монитор своего компьютера.

– Ну а зачем мы тут все эти рокировки проделывали? Мужиков выгнали... – пожал плечами я и, найдя нужный абзац, начал читать протокол уже самостоятельно: «Оттого, что зеркало было явно большего диаметра и длины, я почувствовала острую боль во влагалище, переходящую в матку, и сказала об этом Котову. Но он ответил, что это временно и начал этим зеркалом производить фрикции. Всё быстрее и быстрее».

– Жесть какая-то, – вслух сказал я. – Свет, а принеси, пожалуйста, и мне водички, – попросил я, почувствовав сухость в горле.

Зачем-то размешивая воду в стакане, не глядя на меня, вбежала Лядова и, поставив стакан на стол, стремительно скрылась в другой комнате.

– Извините. – только и удалось услышать.

– «Потом я почувствовала, как что-то начало медленно проникать мне в анус. Сначала я подумала, что это большой палец руки доктора Котова, – продолжил читать текст допроса я, – но, когда и он начал резкие, сильные поступательные движения, я закричала от боли и резко сдёрнула предохранительную занавеску. В левой руке доктора Котова был огромный латексный фаллоимитатор. Лицо Котова было искажено уродливой похотливой гримасой. Пот лил с него градом. Он навалился на меня, пытаясь закрыть мне рот рукой, и жалобно просил: «Тихо, милая! Я ничего плохого... Можно я тебя только оближу? Тебе понравится.» Я закричала на него, начала вырываться. Мне удалось высвободить одну ногу и толкнуть его в грудь. Он упал, сбив стеклянную полку с инструментами и лампу. Я соскочила с кресла, схватила вещи и начала судорожно одеваться. Он встал на ноги, весь трусился от возбуждения, просил меня успокоиться. Говорил, что я сама этого хотела, что он про меня всё знает. Но я чем-то махала перед ним железным, кричала, чтобы не подходил, и одевалась. Потом, в коридоре, я поняла, что в руках у меня были большие хирургические ножницы. Я их бросила в районе гардероба. В этот день я в милицию не обращалась, так как была в шоковом состоянии». Дата. Подпись.

Следующим документом было собственно заявление гражданки Сёминой М. П. в правоохранительные органы, составленное при непосредственном участии представителя этих самых органов Лядовой С. И. Заявление было написано собственноручно заявитель – ницей с лаконичной концовкой: «Прошу возбудить уголовное дело против Котова Вениамина Всеволодовича по статье 131-й УК РФ». Дата, подпись.

Прощались мы с лейтенантом Лядовой С. И. на служебной стоянке автотранспорта.

– Для начала неплохо. А что сказал бы ваш папа, узнав, с какого дела началась ваша служебная карьера? А, барышня? – улыбнулся я, протягивая стажёру руку.

– А он бы ничего не сказал, Андрей Васильевич. Он просто с завтрашнего дня перевёл бы меня в аналитический отдел бумажки перебирать и умничать, – пожимая мою руку, честно ответила Светлана.

– Светлана Ивановна, а я правда выгляжу старым? – немного помявшись, спросил я, деланно долго ища по карманам брелок автосигнализации.

– Да не так чтобы... Неухоженный вы какой-то, Андрей Васильевич, – пожав плечами, ответила Лядова. – Видно, что рубашки вам никто не гладит.

– Ну, тогда завтра не опаздывать, – махнул на прощанье рукой я, злясь на себя за ненужный вопрос.

– Поняла...

– А я не понял! – нарочито строго рявкнул я.

– Есть, шеф! – весело крикнула Лядова, исчезая в своём новеньком ярко-красном «Mini Cooper».

«Так вот почему кеды красного цвета», – смекнул я наконец. На выезде со служебной стоянки «купер» притормозил. Широкоплечую фигуру Дрозда я давно уже срисовал под тусклым фонарём столба освещения. «Будем считать, что им опять по пути», – улыбнувшись, подумал я.

Скатертью дорога

Уютно устроившись на затёртом водительском сидении «барсика» и почувствовав себя уже наполовину дома, я набрал номер Ксении. Нужно же было узнать, что случилось? Три дня назад приехали и уже уезжают. Не получилось с новой работой?

– Да, Андрей, привет! Здорово, что позвонил. Я как раз вечернюю тренировку закончила, – приветливо поздоровалась Ксения.

– А ты откуда узнала, что это я звоню? А! Ну да, я же сам... визитка. Здравствуйте, сударыня. Слушай, мне сегодня Евгения... – неуверенно начал я.

– Да, знаю! Я пока разминалась, эта подруга тиснула у меня из сумки телефон и в кафе-терий убежала. Я потом увидела, что она тебе звонила. Что она там тебе наговорила? Вот липучка! Извини, Андрей, – начала оправдываться за дочку Ксения.

– Ничего страшного. Жаль, не было времени с ребёнком пообщаться. Она сказала, что вы завтра уезжаете. Правда, что ли? Что-то случилось? – стараясь говорить нейтрально-неинтересованным голосом, спросил я.

– Ага, представляешь. Нужно один вопрос закрыть, про который я совершенно забыла. А тут позвонили. Короче, без моего личного присутствия вопрос не решается, – ответила Женькина мама.

– Понял. А вопрос секретный или. – как бы из вежливости спросил я.

– Да нет! Ничего такого... У меня в прошлом году мама умерла... квартира осталась. Я наследница.

– Всё понял. В наследство вступаешь. Нотариальные действия и всё такое.

– Ну да. А тут ещё знакомая позвонила, сказала, что на нашу квартиру покупатель есть, хорошие деньги даёт. А мы с Женькой сможем тогда в Москве или Химках хоть комнату купить, свой угол будет, – грустно вздохнула Ксения и, видно, прикрыв трубку, тихо сказала в сторону: – Да дам я тебе поговорить. Отойди, пожалуйста... Дальше! Дальше отойди.

Но, видно, ребёнок не сдавался, и через пару секунд я услышал Женьку:

– Андрюша, привет! Скорый поезд номер сто второй. С Ярославского вокзала в семь тридцать пять утра. Вагон шестой. Провожать приедешь?

– Привет, Жека! Всё понял, обязательно приеду, – бодрым голосом пообещал я, прикидывая, во сколько нужно вставать, чтобы успеть к семи тридцати пяти на Ярославский.

– Смотри не проспай... – кричал ребёнок, видно уже повиснув на маминой руке, отбирающей телефон.

– Андрей... это вовсе не обязательно, – смущённо ответила Ксения. – Это всё эта аферистка.

– Ксюша, я провожу. Жаль, что... Короче, до завтра, – как-то скомканно попрощался я и повернул ключ зажигания, одновременно отключая телефон.

* * *

Я не проспал. Своих дам я заметил ещё в начале перрона. А как не заметить два ярких жёлто-синих пятна на фоне пастельных тонов одежды отъезжающих? Знакомого чемодана в руках у Ксении я не увидел. Вместо него за спиной у девушки висел новенький синий рюкзак с красивым принтом Эйфелевой башни. Рядом, держась за её руку, иногда подпрыгивая и вытягивая шею, задом наперёд семенила Женька. В руках она держала мягкую игрушку – полосатого котёнка, мастью похожего на моего Ботмана.

Увидев вдруг меня, она моментально выдернула свою ручку из маминой руки и с криком:

– Пришёл! А я говорила... – помчалась мне навстречу.

Подбежав ко мне, она подпрыгнула и повисла на шее, по традиции долбанув козырьком своей бейсболки мне по переносице.

– А я говорила... Я говорила, что ты обязательно придёшь! Ты не грусти, мы ненадолго. Мама в Ярославле какие-то бумажки заберёт и назад. Ты даже соскучиться не успеешь! – уверяла меня Женька, доверчиво прижимаясь щёчкой к моему плечу.

– Привет, Чапаев! – услышал я сзади вопросы, произнесённые одним предложением. – Провожаешь или встречаешь? Твоя?

Я обернулся и неожиданно увидел... Свою бывшую жену, Ирку, я увидел. Вот кого! Она шла належке, в руках был только букет цветов. Элегантная, ироничная, уверенная в себе... стерва. Извините, современная женщина.

– Привет, Чапаева! А ты, я смотрю, встречаешь? – крепко прижимая к себе Женьку, спросил я, игнорируя последний вопрос.

– Да, любимый муж приезжает, – подмигнув ребёнку, улыбнулась Ирка и, обгоняя нас, поспешила на встречу со своим украинским счастьем.

– Знакомая? – как бы, между прочим, поинтересовалась Женька.

– Да... старая, – ухмыльнулся я.

– Правильно! А мы с мамой – молодые! – неожиданно засмеялась Женька.

Наконец мы догнали Ксению. Она уже стояла возле нужного вагона и, открыв кармашек рюкзака, искала билеты.

– Ксюша, привет! – поздоровался я, ставя Женьку на асфальт перрона.

– Привет. А я смотрю, Андрей, ты без женского внимания не обходишься, – внимательно рассматривая содержимое кармана рюкзака, суровым голосом сказала Ксюша.

– Ма, билеты у тебя здесь, – сказала Женька и похлопала маму по карману на попе.

Как будто что-то вспомнив, Ксения тоже хлопнула себя по заднему карману джинсов и вытащила билеты.

– Это была старая Андрюшина знакомая. Старая-престарая! Она первая к нам пристала, – убедительно объяснила Женька, пытаясь меня реабилитировать.

– Ты так и не рассказала о новой работе. Как вы устроились-то? – попытался я перейти на другую тему разговора.

– Отлично всё. Живём в тренерской, но это пока. Скоро квартиру снимем в очень дорогом престижном районе с видом на Кремль. Будем по утрам Путину воздушные поцелуи посылать. Шучу! Набрала первую группу из семи тёток разных возрастов. Общее физо и основы женской самообороны. Последнее им нравится больше. Бабам вообще нравится бить мужчин. Хозяйка зала вроде довольна. Набирают ещё две группы, – доложила обстановку Ксения, – так что загрузка будет полная. Даже рекламу не давали.

– Рад, что у вас всё хорошо складывается. А когда назад планируете? – поинтересовался я.

– А как за квартиру деньги получим... Видишь, специально рюкзак с собой взяла, – усмехнулась Ксюша. – У нас одна проблемка. Да, Женька? В садик нас не берут. До школы же ещё целый год. Говорят, прописки нет... Тут намекнули, что денежку директрисе нужно занести... Квартиру мамкину продадим, вот тогда и занесём.

– А котёнок с нами не едет, – вдруг вошла в разговор с важным сообщением Женька. – Андрюша, ты её Боцману от меня передай. Пусть у него дочка будет. Он же взрослый кот. А взрослым нужны дочки, – мельком посмотрев на свою маму, сказал ребёнок и сунул мне в руку пушистую игрушку.

– Граждане пассажиры, через пять минут скорый поезд № 102 Москва-Ярославль отправляется. Проходим на свои места, уважаемые, – вдруг прямо над моим ухом мощным трениро-

ванным голосом крикнула проводница с малюсенькой пилоткой на большой голове. – Папаша, помогите дочке по ступенькам подняться!

«Это мне? Это я – папаша?» – почему-то рассмешила мысль. Ксюша дёрнула за руку Женьку, и они встали в хвост маленькой очереди. Вперёд попытался пролезть какой-то дядька с большой сумкой и потной лысиной, но, натолкнувшись на суровый взгляд «папаши», тонким голосом прокукарекал, обращаясь к Женьке:

– Держись за папочку, девочка...

Я неловко толкался сзади, стараясь уберечь своих девушек от пассажирских котомок, чемоданов, плеч, животов и задниц.

– Ксюша, ты позвони, я обязательно вас встречу, – сказал я прямо в рюкзак старшей девушки, поднимающейся по ступеням вагона.

– Необязательно, такси ещё никто не отменял, – чуть слышно, не оборачиваясь, произнесла Ксения.

– Скатертью дорожка, – как-то глупо сказал я вслед.

– Чего? – обернувшись, удивилась Женька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.